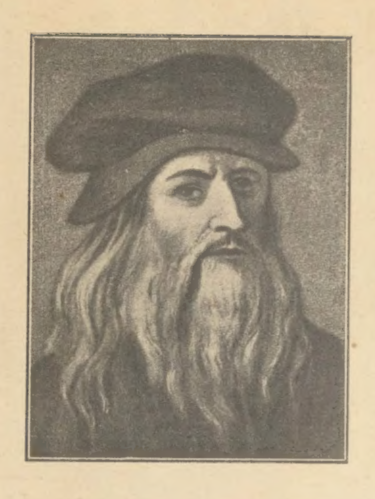


ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

ВОСПОМИНАНІЕ ДѢТСТВА.

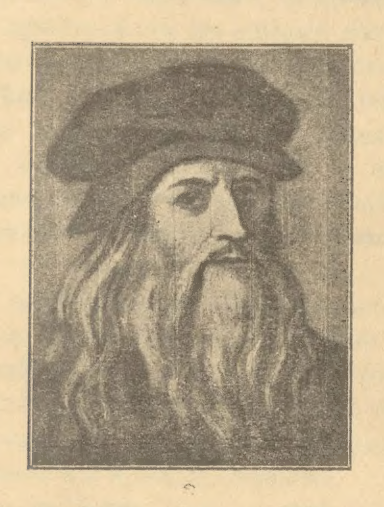
ПРОФ. З. ФРЕЙДЪ.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

ПРОФ. З. ФРЕЙДЪ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

ВОСПОМИНАНІЕ ДѢТСТВА.



КН-ВО „ПРОМЕТЕИ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

Тип. „Ш. Буссель“, Лиговская 117.

Воспоминаніе дѣтства Леонардо-да-Винчи.

Проф. Зигмунда Фрейда.

Когда психіатрическое изслѣдованіе, пользующееся обыкновенно больнымъ человѣческимъ матеріаломъ, приступаетъ къ одному изъ гигантовъ человѣческаго рода, оно руководствуется при этомъ совсѣмъ не тѣми мотивами, которые ему такъ часто приписываютъ профаны. Оно не стремится „очернить лучезарное и втоптать въ грязь возвышенное"; ему не доставляетъ удовлетворенія умалить разницу между даннымъ совершенствомъ и убожествомъ своихъ обычныхъ объектовъ изслѣдованія. Оно только находитъ цѣннымъ для науки все, что доступно пониманію въ этихъ образцахъ и думаетъ, что никто не настолько великъ, чтобы для него было унизительно подлежать законамъ, одинаково господствующимъ надъ нормальнымъ и болѣзненнымъ.

Леонардо-да-Винчи (1452—1519) былъ однимъ изъ величайшихъ людей итальянскаго ренессанса. Онъ вызывалъ удивленіе уже у современниковъ, однако представлялся и имъ, какъ и намъ, еще до сихъ поръ, загадочнымъ. Всесторонній геній

„котораго очертанія можно только предчувствовать, но никогда не познать“ *), онъ оказалъ неизмѣримое вліяніе, какъ художникъ, на свое время; но уже только намъ выпало на долю постичь великаго натуралиста, который соединялся въ немъ съ художникомъ. Не смотря на то, что онъ оставилъ намъ великія художественныя произведенія, тогда какъ его научныя открытія остались неопубликованными и неиспользованными, все-же въ его развитіи изслѣдователь никогда не давалъ полной воли художнику, зачастую тяжело ему вредилъ и подъ конецъ можетъ быть совсѣмъ подавилъ его. Вазари вкладываетъ въ его уста, въ смертный часъ, самообвиненіе, что онъ оскорбилъ Бога и людей, не выполнивъ своего долга передъ искусствомъ **). И если даже этотъ разсказъ Вазари не имѣетъ ни внѣшняго, ни тѣмъ болѣе, внутренняго правдоподобія, а относится только къ легендѣ, которая начала складываться о таинственномъ мастерѣ уже при его жизни, все же онъ имѣетъ безспорно цѣнность, какъ показатель сужденій тѣхъ людей и тѣхъ временъ.

Что же это было, что мѣшало современникамъ понять личность Леонардо? Конечно, не много-

---

*) По словамъ J. Burckhardt'а, приведеннымъ у Александры Константиновой „Эволюція типа Мадонны у Леонардо-да-Винчи“. Strasburg 1907 (Zur Künstgeschichte des Auslandes, Heft 54)

**) „Egli per reverenza, rizzatosi a sedere sul letto, contando il mal suo e gli accidenti di quello, mostrava tuttavia quanto aveva offeso Dio e gli nomini del mondo, non avendo operato nell' arte come si convenia.“ Vasari, Vite etc. LXXXIII 1550-1584.

сторонность его дарованій и свѣдѣній, которая дала ему возможность быть представленнымъ при дворѣ герцога Миланскаго, Людовика Сфорца, прозваннаго il Moro, въ качествѣ лютниста на имъ самомъ изобрѣтенномъ инструментѣ; или позволила написать этому герцогу то замѣчательное письмо, въ которомъ онъ гордился своими заслугами строителя и военнаго инженера. Къ такому соединенію разностороннихъ знаній въ одномъ человѣкѣ время ренессанса, конечно, привыкло; во всякомъ случаѣ Леонардо былъ только однимъ изъ блестящихъ примѣровъ этого. Онъ не принадлежалъ также и къ тому типу геніальныхъ людей съ виду обдѣленныхъ природой, которые и съ своей стороны не придаютъ цѣны внѣшнимъ формамъ жизни и въ болѣзненно-мрачномъ настроеніи избѣгаютъ общенія съ людьми. Напротивъ, онъ былъ высокъ, строенъ, прекрасенъ лицомъ и необыкновенной физической силы, обворожителенъ въ обращеніи съ людьми, хорошій ораторъ, веселый и привѣтливый. Онъ и въ предметахъ его окружающихъ любилъ красоту, носилъ съ удовольствіемъ блестящія одежды и цѣнилъ утонченныя удовольствія. Въ одномъ указывающемъ на его склонность къ веселью и наслажденію мѣстѣ своего трактата о живописи онъ сравниваетъ художество съ родственными ему искусствами и изображаетъ тяжесть работы скульптора: „Вотъ онъ вымазалъ себѣ лицо и напудрилъ его мраморной пылью такъ, что выглядитъ булочникомъ; онъ покрытъ весь мелкими осколками мрамора, какъ

будто снѣгъ нападалъ ему прямо на спину и жилище его наполнено осколками и пылью. Совсѣмъ другое у художника,—... художникъ сидитъ со всѣми удобствами передъ своимъ произведеніемъ—хорошо одѣтый и водитъ совсѣмъ легкой кисточкой съ прелестными красками. Онъ разодѣтъ, какъ ему нравится. И жилище его наполнено веселыми рисунками и блеститъ чистотой. Зачастую у него собирается общество музыкантовъ или лекторовъ различныхъ прекрасныхъ произведеній и слушается это съ большимъ наслажденіемъ безъ стука молотка и другого какого шума".

Конечно, очень вѣроятно, что образъ сверкающе веселаго, любящаго удовольствія Леонардо вѣренъ только для перваго, болѣе продолжительнаго, періода жизни художника. Съ той поры, какъ паденіе власти Людовика Моро заставило его покинуть Миланъ, обезпеченное положеніе и поле дѣятельности, чтобы до самаго послѣдняго своего пристанища во Франціи вести скитальческую, бѣдную внѣшними успѣхами жизнь, съ той поры могли померкнуть блескъ его настроенія и выступить яснѣе странныя черты его характера. Также усиливающееся съ годами отклоненіе его интересовъ отъ искусства къ наукѣ долженъ былъ способствовать увеличенію пропасти между нимъ и его современниками. Всѣ эти опыты, надъ которыми онъ по ихъ мнѣнію „проваландывалъ время" вмѣсто того, чтобы усердно рисовать заказы и обогащаться, какъ, напримѣръ, его бывшій соученикъ Перугино, казались имъ причудливыми игрушками и даже навлекали на него подозрѣніе, что онъ

служитъ „черной магіи“. Мы, знающіе по его запискамъ, что именно онъ изучалъ, понимаемъ его лучше. Въ то время, когда авторитетъ церкви началъ замѣняться авторитетомъ античнаго міра и когда еще не знали безпристрастнаго изслѣдованія, онъ былъ предтеча и даже достойный сотрудникъ Бекона и Коперника,—поневолѣ одинокій. Когда онъ разбиралъ трупы лошадей и людей, строилъ летательные аппараты, изучалъ питаніе растеній и ихъ реагированіе на яды, онъ во всякомъ случаѣ далеко уходилъ отъ комментаторовъ Аристотеля и приближался къ презираемымъ алхимикамъ, въ лабораторіяхъ которыхъ экспериментальное изслѣдованіе находило по крайнѣй мѣрѣ пріютъ въ тѣ неблагопріятныя времена.

Для его художественной дѣятельности это имѣло то послѣдствіе, что онъ неохотно брался за кисть, писалъ все рѣже, бросалъ начатое и мало заботился о дальнѣйшей судьбѣ своихъ произведеній. Это-то и ставили ему въ упрекъ его современники, для которыхъ его отношеніе къ искусству оставалось загадкой.

Многіе изъ позднѣйшихъ почитателей Леонардо пытались сгладить упрекъ въ непостоянствѣ его характера. Они доказывали, что то, что порицается въ Леонардо, есть особенность большихъ мастеровъ вообще. И трудолюбивый, ушедшій въ работу, Микель Анжело оставилъ, неоконченными многія изъ своихъ произведеній, и въ этомъ онъ такъ-же мало виноватъ, какъ и Леонардо. Иная же картина не столько была неокончена, сколько считалась имъ за таковую. То, что профану уже

кажется шедевромъ, то для творца художественнаго произведенія все еще неудовлетворительное воплощеніе его замысла; передъ нимъ носится то совершенство, которое передать въ изображеніи ему никакъ не удается. Всего же менѣе возможно художника дѣлать отвѣтственнымъ за конечную судьбу его произведеній.

Какъ бы ни были основательны многія изъ этихъ оправданій, все же онѣ не объясняютъ всего въ Леонардо. Мучительные порывы и ломка въ произведеніи, оканчивающаяся бѣгствомъ отъ него и равнодушіемъ къ его дальнѣйшей судьбѣ могло повторяться и у другихъ художниковъ; но Леонардо безъ сомнѣнія проявлялъ эту особенность въ высшей степени. Edm. Solmi *) цитируетъ (стр. 12) слова одного изъ его учениковъ: „Pareva, che ad ogni ora tremasse, quando si poneva a dipingere, e pero non diede mai fine ad alcuna cosa cominciata, considerando la grandezza dell' arte, tal che egli scorgeva errori in quelle cose, che ad altri parevano miracoli“. Его послѣднія картины, Леда, Мадонна di sant' Onofrio, Бахусъ и san giovanni Battista giovane остались будто-бы не оконченными „come quasi intervenne di tutte le cose sue....“ Lomazzo, **) который дѣлалъ копію Тайной Вечери, ссылается въ одномъ сонетѣ на извѣстную неспособность Леонардо закончить какое-нибудь произведеніе:

„Protogeu che il penel di sue pitture

---

*) Solmi. La resurrezione dell'opera di Leonardo въ сборникѣ: Leonardo da Vinci. Conferenze Fiorentine. Mieano 1910.

**) Y Scognamiglio. Ricerche e Dokumenti sulla giovezza di Leonardo da Vinci. Napoli 1900.

Non levava, agguaglio il Uinci Divo,
Di cui opra non è finita pure“.

Медлительность, съ которой Леонардо работалъ, вошла въ пословицу. Надъ Тайной Вечерей въ монастырѣ Santa Maria delle Grazie въ Миланѣ работалъ онъ, послѣ основательной къ этому подготовки, цѣлыхъ три года. Одинъ его современникъ, писатель новеллъ Matteo Bandelli, бывшій въ то время молодымъ монахомъ въ монастырѣ, разсказываетъ, что часто Леонардо уже рано утромъ всходилъ на лѣса, чтобы до сумерекъ не выпускать изъ руки кисти, забывая ѣсть и пить. Потомъ проходили дни безъ того, чтобы онъ прикоснулся къ работѣ, временами оставался онъ часами передъ картиной, удовлетворяясь переживаніемъ ея внутренно. Другой разъ приходилъ онъ въ монастырь прямо со двора Миланскаго замка, гдѣ онъ дѣлалъ модель статуи всадника для Francesco Sforza, чтобы сдѣлать нѣсколько мазковъ на одной изъ фигуръ и потомъ немедленно уйти *). Портретъ монны Лизы, жены Флорентинца Франциска Джіокондо, писалъ онъ, по словамъ Вазари, четыре года, не будучи въ состояніи его закончить, что подтверждается можетъ быть еще и тѣмъ, что портретъ не былъ отданъ заказчику, а остался у Леонардо, который взялъ его съ собой во Францію **). Пріобрѣтенный королемъ Францискомъ I, онъ составляетъ теперь одно изъ величайшихъ сокровищъ Лувра.

---

*) W. v. Seidlitz. „Leonardo-da Vinci, der Wendepunkt der Renaissance“. 1909, I Ш., стр. 203.

**) v. Seidlitz l. c., II Bd. p. 48.

Если сопоставить эти разсказы о характерѣ работы Леонардо со свидѣтельствомъ многочисленныхъ сохранившихся послѣ него эскизовъ и этюдовъ, во множествѣ варіирующихъ каждый встрѣчающійся въ его картинѣ мотивъ, то придется далеко отбросить мнѣніе о мимолетности и непостоянствѣ отношенія Леонардо къ его искусству. Напротивъ того, замѣчается необыкновенная углубленность, богатство возможностей, между которыми только медленно выкристализовывается рѣшеніе, запросы, которыхъ болѣе чѣмъ достаточно, и задержка въ выполненіи, которая, собственно говоря, не можетъ быть объяснена даже и несоотвѣтствіемъ силъ художника съ его идеальнымъ замысломъ. Медлительность, издавна бросавшаяся въ глаза въ работѣ Леонардо, оказывается симптомомъ этой задержки, какъ предвѣстникъ отдаленія отъ художественнаго творчества, которое впослѣдствіи и наступило *). Эта задержка опредѣлила и не совсѣмъ незаслуженную судьбу Тайной Вечери. Леонардо не могъ сродниться съ рисованіемъ al fresko, которое требовало быстроты работы, пока еще не высохъ грунтъ; поэтому онъ избралъ масляныя краски, высыханіе которыхъ ему давало возможность затягивать окончаніе картины, считаясь съ настроеніемъ и не торопясь. Но эти краски отдѣлялись отъ грунта, на который накладывались и который отдѣлялъ ихъ отъ стѣны; недостатки этой стѣны и судьбы помѣщенія

*) W. Pater. Die Renaissance. Съ англійскаго. Второе изданіе 1906. „Все-таки несомнѣнно, что онъ въ извѣстный періодъ своей жизни почти пересталъ быть художникомъ“.

присоединились сюда-же, чтобы рѣшить непредотвратимую, какъ кажется, гибель картины *).

Изъ - за неудачи подобнаго-же техническаго опыта погибла, кажется, картина битвы всадниковъ у Anghiari, которую онъ позднѣе началъ рисовать въ конкурсѣ съ Микелемъ Анжело на стѣнѣ зала del Consiglio во Флоренціи, и тоже оставилъ недоконченной. Похоже, какъ будто постороннее участіе экспериментатора сначала поддерживало искусство, чтобы потомъ погубить художественное произведеніе.

Характеръ Леонардо проявлялъ еще и другія необыкновенныя черты и кажущіяся противорѣчія. Нѣкоторая бездѣятельность и индиферентность были въ немъ очевидны. Въ томъ возрастѣ, когда каждый индивидуумъ старается захватить для себя какъ можно большее поле дѣятельности, что не можетъ обойтись безъ развитія энергичной агресивной дѣятельности по отношенію къ другимъ, онъ выдѣлялся спокойнымъ дружелюбіемъ, избѣгая всякой непріязни и ссоръ. Онъ былъ ласковъ и милостивъ со всѣми, отвергалъ, какъ извѣстно, мясную пищу, потому что считалъ несправедливымъ отнимать жизнь у животныхъ и находилъ особое удовольствіе въ томъ, чтобы давать свободу птицамъ, которыхъ онъ покупалъ на базарѣ **). Онъ осуждалъ войну и кровопро-

---

*) Ср. у Seidlitz, B. I. Die Geschichte der Restaurations-und Rettungsversuche.

**) E. Müntz. Leonardo da Vinci. Paris 1899, p. 18. (Письмо одного современника изъ Индіи къ одному изъ Медичей намекаетъ на эту странность Леонардо. По Рихтеру: The literari Works of. L. d. v.).

литіе и называлъ человѣка не столько царемъ животнаго царства, сколько самымъ злымъ изъ дикихъ звѣрей *). Но эта женственная нѣжность чувствованій не мѣшала ему сопровождать приговоренныхъ преступниковъ на ихъ пути къ мѣсту казни, чтобы изучать ихъ искаженныя страхомъ лица и зарисовывать въ своей карманной книжкѣ; не мѣшала ему рисовать самыя ужасныя рукопашныя сраженія и поступить главнымъ военнымъ инженеромъ на службу Цезаря Борджіа. Онъ кажется часто какъ будто индиферентнымъ къ добру и злу,—или надо мѣрить его особой мѣркой. Въ отвѣтственной должности участвовалъ онъ въ одной военной кампаніи Цезаря, которая сдѣлала этого черстваго и вѣроломнѣйшаго изъ всѣхъ противниковъ обладателемъ Романіи. Ни одна черточка произведеній Леонардо не обнаруживаетъ критику или сочувствіе событіямъ того времени. Напрашивается сравненіе его съ Гёте во время французскаго похода.

Если біографъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ проникнуть въ пониманіе душевной жизни своего героя, онъ не долженъ, какъ это бываетъ въ большинствѣ біографій, обходить молчаніемъ изъ скромности или стыдливости его половую своеобразность. Съ этой стороны о Леонардо извѣстно мало, но это малое очень значительно. Въ тѣ времена, когда безграничная чувственность боролась съ мрачнымъ аскетизмомъ, Леонардо былъ примѣромъ

**) F. Botazzi. Leonardo biologo e anatomico. In Conferenze Fiorentine, p. 186, 1910.

строгаго полового воздержанія, какое трудно ожидать отъ художника и изобразителя женской красоты. Solmi*) цитируетъ слѣдующую его фразу характеризующую его цѣломудріе: „Актъ соитія и все, что стоитъ съ нимъ въ связи, такъ отвратительны, что люди скоро-бы вымерли, если-бы это не былъ освященный стариной обычай, и если-бы не оставалось еще красивыхъ лицъ и чувственнаго влеченія“. Оставленныя имъ сочиненія, которыя вѣдь не исключительно трактуютъ высшія научныя проблемы, но содержатъ и предметы безобидные, которые кажутся намъ едва-ли даже достойными такого великаго духа (аллегорическая естественная исторія, басни о животныхъ, шутки, предсказанія**), въ такой степени цѣломудренны, что это удивительно было-бы даже въ произведеніи нынѣшней изящной литературы. Они такъ рѣшительно избѣгаютъ всего сексуальнаго, какъ будто-бы только одинъ Эросъ, который охраняетъ все живущее, есть матерія недостойная любознательности изслѣдователя***). Извѣстно, какъ часто великіе художники находятъ удовольствіе въ томъ, что даютъ перебѣситься своей фантазіи въ эротическихъ и даже непристойныхъ изображеніяхъ; отъ Леонардо, напротивъ, мы имѣемъ только нѣкоторые анатомическіе чертежи внутреннихъ жен-

---

*) E. Solmi. Leonardo da Vinci.

**) Marie Herzfeld, Leonardo da Vinci der Denker, Forscher und Poet. Zweite Anflage, Iena 1906.

***) Можетъ быть въ этомъ отношеніи незначительное исключеніе составляютъ собранныя имъ шутки — belle facezie, — которыя еще не переведены. Ср. Herzfeld, L. d. V., p. CLI.

скихъ половыхъ органовъ, положенія плода въ утробѣ матери и тому подобное.

Сомнительно, чтобы Леонардо когда-нибудь держалъ женщину въ любовныхъ объятіяхъ; даже о какомъ-нибудь духовномъ интимномъ отношеніи его съ женщиной, какое было у Микель Анжело съ Викторіей Колонной, ничего неизвѣстно. Когда онъ жилъ еще ученикомъ въ домѣ своего учителя Verrocchio, на него и другихъ юношей поступилъ доносъ по поводу запрещеннаго гомосексуальнаго сожитія. Разслѣдованіе окончилось оправданіемъ. Кажется, онъ навлекъ на себя подозрѣніе тѣмъ,что пользовался какъ моделью имѣвшимъ дурную славу мальчикомъ*). Когда онъ сталъ мастеромъ, онъ окружилъ себя красивыми мальчиками и юношами, которыхъ онъ бралъ въ ученики. Послѣдній изъ этихъ учениковъ, Francesco Melzi, послѣдовалъ за нимъ во Францію, оставался съ нимъ до его смерти и назначенъ былъ имъ его наслѣдникомъ. Не раздѣляя увѣренности современныхъ его біографовъ, которые, разумѣется, отвергаютъ съ негодованіемъ возможность половыхъ отношеній между ними и его учениками, какъ ни на чемъ не основанное обезчещиваніе великаго человѣка, можно было-бы съ большей вѣроятностью предположить, что нѣжныя отношенія Леонардо къ молодымъ людямъ, которые по тогдашнему положенію учениковъ жили съ нимъ одной жизнью,

*) Этимъ инцидентомъ объясняется, по мнѣнію Scognamiglio, темное и различно понимаемое мѣсто въ Codex Atlanticus: „Quando io feci Domeneddio putto voi mi metteste in prigione, ora s'io lo fo grande, voi mi farete peggio".

не выливались въ половой актъ. Впрочемъ, въ немъ нельзя и предполагать сильной половой активности.

Особенность его сердечной и сексуальной жизни въ связи съ его двойственной природой художника и изслѣдователя возможно понять только однимъ путемъ. Изъ біографовъ, которые часто бываютъ очень далеки отъ психологической точки зрѣнія, по моему одинъ только Solmi приблизился къ рѣшенію этой загадки; но поэтъ, Дмитрій Сергѣевичъ Мережковскій, выбравшій Леонардо героемъ большого историческаго романа, создалъ этотъ образъ именно на такомъ пониманіи необыкновеннаго человѣка, выразивъ очень ясно этотъ свой взглядъ, хотя и не прямо, но, какъ поэтъ, въ поэтическомъ изображеніи*). Solmi высказываетъ такое сужденіе о Леонардо: „ненасытная жажда познать все окружающее и анализировать холоднымъ разсудкомъ глубочайшія тайны всего совершеннаго осудило произведенія Леонардо оставаться постоянно неоконченными“ **). Въ одной статьѣ Conferenze Fiorentine цитируется мнѣніе Леонардо, которое даетъ ключъ къ пониманію его символа вѣры и его натуры:

„Nessuna cosa si puo amare né odiare, se prima non si ha cognition di quella“ ***).

Итакъ: не имѣешь права что-нибудь любить или ненавидѣть, если не пріобрѣлъ основательнаго

---

*) Д. С. Мережковскій. Трилогія „Христосъ и антихристъ“. часть II, „Воскресшіе боги“.

**) Solmi. Leonardo da Vinci.

***) Filippo Botazzi. Leonardo biologo e anatomico, p. 193.

знанія о сущности этого. И то-же самое повторяетъ Леонардо въ одномъ мѣстѣ „Трактата о живописи", гдѣ онъ видимо защищается противъ упрека въ антирелигіозности:

„Но такіе обвинители могли-бы молчать. Потому-что это есть способъ познать Творца такого множества прекрасныхъ вещей и именно это есть путь полюбить столь великаго Мастера. Потому-что воистину большая любовь исходитъ изъ большого познанія любимаго и если ты мало его знаешь, то сможешь только мало или совсѣмъ не сможешь любить его"... *).

Значеніе этихъ словъ Леонардо не въ томъ, что они сообщаютъ большую психологическую истину; утверждаемое имъ очевидно ложно, и Леонардо долженъ былъ это сознавать не хуже насъ. Невѣрно, что люди ожидаютъ со своей любовью или ненавистью пока не изучатъ и не постигнутъ сущности того, что возбуждаетъ эти чувства; они любятъ болѣе импульсивно, по мотивамъ чувства, ничего не имѣющаго общаго съ познаваніемъ, и дѣйствіе которыхъ обсужденіемъ и обдумываніемъ развѣ только ослабляется. Поэтому Леонардо могъ желать только высказать, что то, какъ любятъ люди, не есть истинная, несомнѣнная любовь; что должно любить такъ, что сначала подавить страсть, подвергнуть ее работѣ мысли и только тогда дозволить развиться чувству, когда оно выдержало испытаніе разума. И мы понимаемъ,—при этомъ

---

*) Marie Herzfeld. Leonardo da Vinci. Tractat von der Melerei. Iena 1909. (Отдѣлъ I, 64, стр. 54).

онъ хочетъ сказать, что у него это происходитъ такимъ образомъ; для всѣхъ же другихъ было бы желательно, чтобы они относились къ любви и ненависти, какъ онъ самъ.

И у него это, кажется, было на самомъ дѣлѣ такъ. Его аффекты были обузданы и подчинены стремленію изслѣдовать; онъ не любилъ и не ненавидѣлъ, но только спрашивалъ себя, откуда то, что онъ долженъ любить или ненавидѣть и какое оно имѣетъ значеніе. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ казаться индиферентнымъ къ добру и злу, къ прекрасному и отвратительному. Во время этой работы изслѣдованія любовь и ненависть переставали быть руководителями и превращались равномѣрно въ умственный интересъ. На самомъ дѣлѣ Леонардо не былъ безстрастенъ; онъ не лишенъ былъ этой божественной искры, которая есть прямой или косвенный двигатель — il primo motore — всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. Но онъ превратилъ свои страсти въ одну страсть къ изслѣдованію; онъ предавался изслѣдованію съ тою усидчивостью, постоянствомъ, углубленностью, которыя могутъ исходить только изъ страсти, и на высотѣ духовнаго напряженія достигнувъ знанія, даетъ онъ разразиться долго сдерживаемому аффекту и потомъ свободно излиться, какъ струѣ по отводящему рукаву, послѣ того какъ она отработала. На высотѣ познанія, когда онъ могъ окинуть взглядомъ соотношеніе вещей въ изслѣдуемой области, его охватывалъ пафосъ, и онъ въ экстазѣ восхваляетъ величіе этой области творенія, которую онъ изучалъ, или — облекаясь въ

религіозность—величіе ея Творца. Solmi ясно схватилъ этотъ процессъ превращенія у Леонардо. Цитируя одно такое мѣсто, гдѣ Леонардо воспѣваетъ величіе непреложности законовъ природы („O mirabile necessita...“), онъ говоритъ: „Tale trasfigurazione della scienza della natura in emozione, quasi direi, religiosa, é une dei tratti caratteristici de'manoscritti vinciani, e si trova cento e cento volte espressa...*).

Леонардо за его ненасытную и неутомимую страсть къ изслѣдованію назвали итальянскимъ Фаустомъ. Но, отказываясь отъ всѣхъ соображеній о возможности превращенія стремленія къ изслѣдованію въ любовь къ жизни, что мы должны принять какъ предпосылку трагедіи Фауста, должно замѣтить, что развитіе Леонардо приближается къ Спинозовскому міросозерцанію.

Превращеніе психической энергіи въ различнаго рода дѣятельность можетъ быть такъ-же невозможно безъ потери, какъ и превращеніе физическихъ силъ. Примѣръ Леонардо учитъ, какъ много другого можно прослѣдить на этомъ процессѣ. Изъ откладыванія любить на то время, когда познаешь, выходитъ замѣщеніе. Любятъ и ненавидятъ уже не такъ сильно, когда дошли до познанія; тогда остаются по ту сторону отъ любви и ненависти. Изслѣдовали—вмѣсто того чтобы любить. И поэтому можетъ быть жизнь Леонардо настолько бѣднѣе была любовью, чѣмъ жизнь другихъ великихъ людей и другихъ художниковъ. Его, казалось, не коснулись бурныя страсти, сла-

*) Solmi. La resurrezione etc., p. 11.

достныя и всепожирающія, бывшія у другихъ лучшими переживаніями.

И еще другія были послѣдствія. Онъ изслѣдовалъ также вмѣсто того, чтобы дѣйствовать и творить. Тотъ, кто началъ ощущать величіе мировой закономѣрности и ея непреложности, легко теряетъ сознаніе своего собственнаго маленькаго „я“. Погруженный въ созерцаніе, истинно примиренный, легко забываетъ онъ, что самъ составляетъ частицу этихъ дѣйствующихъ силъ природы и что надо, измѣривши свою собственную силу, попробовать воздѣйствовать на эту непреложность міра, міра, въ которомъ и малое не менѣе чудесно и значительно, чѣмъ великое.

Леонардо началъ, вѣроятно, свои изслѣдованія, какъ думаетъ Solmi, служа своему искусству *) онъ работалъ надъ свойствами и законами свѣта, красокъ, тѣней, перспективы, чтобы постичь искусство подражанія природѣ и показать путь къ этому другимъ. Вѣроятно уже тогда преувеличивалъ онъ цѣну этихъ знаній для художника. Потомъ повлекло его, все еще съ цѣлью служить искусству, къ изслѣдованію объектовъ живописи, животныхъ и растеній, пропорцій человѣческаго тѣла; отъ наружнаго ихъ вида попалъ онъ на путь изслѣдованія ихъ внутренняго строенія и ихъ жизненныхъ отправленій, которыя вѣдь тоже отражаются на внѣшности и требуютъ поэтому быть изобра-

---

*) La resurrezione ets., p. 8: „Leonardo aveva posto, come regola al pittore, lo studio della natura..., poi la passione dello studio era divenuta dominante, egli aveva voluto acqnistare non piu la scienza per l'arte, ma la scienza per la scienza“.

женными искусствомъ. И наконецъ, ставшая могучею страсть повлекла его дальше, такъ что связь съ искусствомъ порвалась. Онъ открылъ тогда общіе законы механики, открылъ процессъ отложенія и окамененій въ Арнопалѣ и наконецъ онъ могъ занести большими буквами въ свою книгу признаніе: Il sole non si move. Такъ распространилъ онъ свои изслѣдованія почти на всѣ области знанія, будучи въ каждой изъ нихъ создателемъ новаго, или по меньшей мѣрѣ предтечей и піонеромъ*). Однако-же его изслѣдованія направлены были только на видимый миръ, что-то отдаляло его отъ изслѣдованія духовной жизни людей; въ „Academia Vinciona“, для которой онъ рисовалъ очень талантливо замаскированныя эмблемы, было удѣлено психологіи мало мѣста.

Когда онъ потомъ пробовалъ отъ изслѣдованія вернуться вновь къ искусству, изъ котораго исходилъ, то онъ чувствовалъ, что ему мѣшала новая установка интересовъ и измѣнившагося характера его психической дѣятельности. Въ картинѣ его интересовала больше всего одна проблема, а за этой одной выныряли безчисленныя другія проблемы, какъ это онъ привыкъ видѣть въ безпредѣльныхъ и не имѣющихъ возможности быть законченными изслѣдованіяхъ природы. Онъ былъ уже не въ состояніи ограничить свои запросы, изолировать художественное произ-

---

*) Смотри перечисленіе его научныхъ трудовъ въ прекрасномъ біографическомъ введеніи Marie Herzfeld (Iena. 1906), въ отдѣльныхъ опытахъ Conferenze Fiorentine, 1910 и другихъ.

веденіе, вырвать его изъ громаднаго мірового соотношенія, въ которомъ онъ зналъ его мѣсто. Послѣ непосильныхъ стараній выразить въ немъ все, что сочеталось въ его мысляхъ, онъ бывалъ принужденъ бросить его на произволъ судьбы или объявить его неоконченнымъ.

Художникъ взялъ нѣкогда изслѣдователя работникомъ къ себѣ на службу, но слуга сдѣлался сильнѣе его и подавилъ своего господина.

Когда въ складѣ характера личности мы видимъ одно единственное сильно выраженное влеченіе, какъ у Леонардо любознательность, то для объясненія этого мы ссылаемся на особую наклонность, объ органической природѣ которой, въ большинствѣ случаевъ, ничего болѣе точно не извѣстно. Но благодаря нашимъ психоаналитическимъ изслѣдованіямъ на нервно-больныхъ мы склоняемся къ двумъ дальнѣйшимъ предположеніямъ, подтвержденіе которыхъ мы съ удовольствіемъ видимъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Мы считаемъ вѣроятнымъ, что эта слишкомъ сильная склонность возникаетъ уже въ раннемъ дѣтствѣ человѣка и что ея господство укрѣпляется впечатлѣніями дѣтской жизни, и далѣе мы принимаемъ, что для своего усиленія она сначала пользуется сексуальными влеченіями, такъ что впослѣдствіи она въ состояніи бываетъ замѣнить собою часть сексуальной жизни. Такой человѣкъ, слѣдовательно, будетъ, напримѣръ, изслѣдовать съ тѣмъ страстнымъ увлеченіемъ, съ какимъ другой отдается своей любви, и онъ могъ бы изслѣдовать вмѣсто того, чтобы любить. И не только въ страсти къ

изслѣдованію, но и во многихъ другихъ случаяхъ особой интенсивности какого-нибудь влеченія, дерзаемъ мы заключить о подкрѣпленіи его сексуальностью.

Наблюденіе ежедневной жизни людей показываетъ намъ, что многимъ удается перевести значительную часть ихъ полового влеченія на ихъ профессіональную дѣятельность. Половое влеченіе особенно приспособлено для того, чтобы дѣлать такіе вклады, потому что оно одарено способностью сублимированія, то-есть оно въ состояніи замѣнить свою ближайшую цѣль другими, смотря по обстоятельствамъ, болѣе высокими и не сексуальными цѣлями. Мы считаемъ доказаннымъ такое превращеніе, если въ исторіи дѣтства, т. е. въ исторіи развитія души лица мы находимъ, что какое-нибудь сильно выраженное влеченіе служило сексуальнымъ интересамъ. Мы далѣе видимъ подтвержденіе этому, если въ зрѣломъ возрастѣ наблюдается бросающійся въ глаза недостатокъ сексуальной дѣятельности, какъ будто часть ея замѣнилась здѣсь дѣятельностью этого могучаго влеченія.

Примѣненіе этого объясненія по отношенію къ случаю слишкомъ сильнаго влеченія къ изслѣдованію кажется особенно затруднительнымъ, потому что какъ разъ дѣтямъ неохотно сообщаютъ ни объ этомъ серьезномъ стремленіи, ни о половыхъ интересахъ. Между тѣмъ эти затрудненія легко устранимы. О любознательности маленькихъ дѣтей свидѣтельствуетъ ихъ неустанное спрашиваніе, которое взрослому кажется за-

гадочнымъ, пока онъ не догадается, что всѣ эти вопросы только околичности и что они нескончаемы, потому что дитя хочетъ замѣнить ими только одинъ единственный вопросъ, который оно однакоже не ставитъ. Когда ребенокъ становится старше и предусмотрительнѣе, то часто это обнаруженіе любознательности вдругъ прекращается. Но полное разъясненіе даетъ намъ психоаналитическое изслѣдованіе, показывающее намъ, что многія, можетъ-быть даже большинство, и во всякомъ случаѣ наиболѣе одаренныя дѣти, приблизительно съ третьяго года жизни переживаютъ періодъ, который можно назвать періодомъ инфантильнаго сексуальнаго изслѣдованія. Любознательность просыпается у дѣтей этого возраста, насколько мы знаемъ, не сама собой, но пробуждается впечатлѣніемъ важнаго переживанія, какъ, напримѣръ, рожденіемъ сестрицы,—нежелательнымъ, такъ какъ ребенокъ видитъ въ ней угрозу его эгоистическимъ интересамъ. Изслѣдованіе направляется на вопросъ, откуда появляются дѣти какъ разъ такъ, какъ будто бы ребенокъ искалъ способовъ и путей предупредить такое нежелательное явленіе. Такимъ образомъ, мы съ изумленіемъ узнали, что ребенокъ отказывается вѣрить даннымъ ему объясненіямъ, напримѣръ, энергично отвергаетъ полную мифологическаго смысла сказку объ аистѣ; что начиная съ этого акта недовѣрія онъ отмѣчаетъ свою умственную самостоятельность; онъ чувствуетъ себя часто въ несогласіи со старшими, и имъ, собственно говоря, никогда больше не прощаетъ, что въ поискахъ правды онъ былъ

обмануть. Онъ изслѣдуетъ собственными путями, угадываетъ нахожденіе ребенка во чревѣ матери и, исходя изъ собственныхъ половыхъ ощущеній, строитъ свои сужденія о происхожденіи ребенка отъ ѣды, о его рожденіи черезъ кишечникъ, о трудно постижимой роли отца, и онъ уже тогда предчувствуетъ существованіе полового акта, который представляется ему какъ нѣчто злонамѣренное и насильственное. Но такъ какъ его собственная половая конституція не созрѣла еще для цѣли дѣторожденія, то и изслѣдованіе его, откуда дѣти, поблуждавъ въ потемкахъ, должно быть оставлено не доведеннымъ до конца. Впечатлѣніе отъ этой неудачи при первой пробѣ умственной самостоятельности видимо бываетъ длительнымъ и глубоко подавляющимъ *).

Когда періодъ дѣтскаго сексуальнаго изслѣдованія разомъ обрывается энергичнымъ вытѣсненіемъ, остаются для дальнѣйшай судьбы любознательности, вслѣдствіе ея ранней связи съ сексуальными интересами, три различныя возможности. Или изслѣдованіе раздѣляетъ судьбу сексуальности; любознательность остается съ того времени пара-

---

*) Для подкрѣпленія этого кажущагося невѣроятнымъ вывода смотри „Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben“ Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschüngen Bh. I., 1909 и сходное наблюденіе въ II. B., 1910. Въ статьѣ „Infantilen sexualtheorien“ 1908. (Sammluug kleiner schriffter zur Neurosenlehre, zweite Folge, 1909.) тамъ написано: „Эти копаніе и сомнѣнія становятся образцомъ для позднѣйшей умственной работы надъ проблемами, и первая неудача продолжаетъ дѣйствовать парализующе на всѣ времена“. (стр. 167).

лизованной и свобода умственной дѣятельности можетъ быть ограниченной на всю жизнь, особенно еще и потому, что вскорѣ посредствомъ религіознаго воспитанія присоединяется новая умственная задержка. Ясно, что такимъ образомъ пріобрѣтенная слабость мысли даетъ сильный толчекъ къ образованію невротическаго заболѣванія. Во второмъ типѣ интеллектуальное развитіе достаточно сильно, чтобы противостоять мѣшающему ему сексуальному вытѣсненію. Нѣкоторое время спустя послѣ прекращенія инфантильнаго сексуальнаго изслѣдованія, когда интеллектъ окрѣпъ, онъ, помня старую связь, помогаетъ обойти сексуальное вытѣсненіе и тогда подавленное сексуальное изслѣдованіе возвращается изъ безсознательнаго, въ видѣ склонности къ навязчивому анализированію, во всякомъ случаѣ изуродованное и несвободное, но достаточно сильное, чтобы сдѣлать само мышленіе сексуальнымъ и окрасить умственныя операціи наслажденіемъ и страхомъ, присущими сексуальнымъ процессамъ.

Третій типъ, самый рѣдкій и самый совершенный, въ силу особаго предрасположенія, избѣгаетъ какъ умственной задержки, такъ и невротическаго навязчиваго влеченія къ мышленію. Сексуальное вытѣсненіе и здѣсь тоже наступаетъ, но ему не удается подавить часть сексуальнаго наслажденія въ безсознательное, напротивъ, libido избѣгаетъ вытѣсненія, сублимируясь съ самаго начала въ любознательность и усиливая стремленіе къ изслѣдованію. И въ этомъ случаѣ изслѣдованіе тоже превращается въ извѣстной степени въ страсть и

замѣняетъ собой половую дѣятельность, но вслѣдствіе полнаго различія лежащихъ въ основаніи психическихъ процессовъ (сублимированіе вмѣсто прорыванія изъ безсознательнаго) не получается характера невроза, выпадаетъ связь съ первоначальнымъ дѣтскимъ сексуальнымъ изслѣдованіемъ, и страсть можетъ свободно служить интеллектуальнымъ интересамъ. Вытѣсненной сексуальности сдѣлавшей его такимъ сильнымъ посредствомъ присоединенія сублимированнаго либидо, онъ отдаетъ дань только тѣмъ, что избѣгаетъ заниматься сексуальными темами.

Если мы обратимъ вниманіе на соединеніе у Леонардо сильнаго влеченія къ изслѣдованію съ бѣдностью его половой жизни, которая ограничивается, такъ сказать, идеальной гомосексуальностью, мы склонны будемъ разсматривать его какъ образецъ нашего третьяго типа. То, что послѣ напряженія дѣтской любознательности въ направленіи сексуальныхъ интересовъ, ему удалось большую долю своего libida сублимировать въ страсть къ изслѣдованію, это и есть ядро и тайна его существа. Но конечно не легко привести доказательства этого взгляда. Для этого необходимо заглянуть въ развитіе его души въ первые дѣтскіе годы, но кажется безумнымъ разсчитывать на это, такъ какъ свѣдѣнія о его жизни слишкомъ скудны и неточны, и, кромѣ того, дѣло идетъ здѣсь о свѣдѣніяхъ и отношеніяхъ, которыя даже и у лицъ нашего поколѣнія ускользаютъ отъ вниманія наблюдателей.

Мы знаемъ очень мало о юности Леонардо.

Онъ родился въ 1452 году въ маленькомъ городкѣ Винчи, между Флоренціей и Эмполи; онъ былъ незаконный ребенокъ, что въ то время, конечно, не считалось большимъ порокомъ; отцомъ его былъ синьоръ Пьеро да Винчи, нотаріусъ и потомокъ фамиліи нотаріусовъ и земледѣльцевъ, которые назывались по мѣсту жительства Винчи. Мать его, Катерина, вѣроятно деревенская дѣвушка, тоже вышедшая замужъ за другого жителя Винчи. Эта мать не появляется больше въ біографіи Леонардо, только поэтъ Мережковскій предполагаетъ слѣды ея вліянія. Единственное достовѣрное свѣдѣніе о дѣтствѣ Леонардо даетъ оффиціальный документъ отъ 1457 года, Флорентійскій налоговой кадастръ, гдѣ въ числѣ членовъ фамиліи Винчи, приведенъ Леонардо, какъ пятилѣтній незаконный ребенокъ синьора Пьеро *). Бракъ синьора Пьеро съ нѣкой донной Альбіерой остался бездѣтнымъ, поэтому маленькій Леонардо могъ воспитываться въ домѣ отца. Этотъ отчій домъ онъ покинулъ только тогда, когда, неизвѣстно въ какомъ возрастѣ поступилъ ученикомъ въ мастерскую Andrea del Verrocchio. Въ 1472 году имя Леонардо встрѣчается уже въ спискѣ членовъ „Compagnia dei Pittore“. Это все.

II.

Одинъ единственный разъ, насколько мнѣ извѣстно, Леонардо привелъ въ одной изъ своихъ ученыхъ записей свѣдѣніе изъ своего дѣтства. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ говорится о полетѣ коршуна,

*) Scognamiglio, тамъ-же, стр. 15.

онъ вдругъ отрывается, чтобы предаться вынырнувшему воспоминанію изъ очень раннихъ дѣтскихъ лѣтъ: „Кажется, что уже заранѣе мнѣ было предназначено такъ основательно заниматься коршуномъ, потому что мнѣ приходитъ въ голову какъ будто очень раннее воспоминаніе, что когда я лежалъ еще въ колыбели, прилетѣлъ ко мнѣ коршунъ, открылъ мнѣ своимъ хвостомъ ротъ и много разъ толкнулся хвостомъ въ мои губы *).

Итакъ, дѣтское воспоминаніе въ высшей степени страннаго характера. Странное по своему содержанію и по возрасту, къ которому оно относится. Что человѣкъ сохранилъ воспоминаніе о времени, когда онъ былъ груднымъ ребенкомъ, въ этомъ, можетъ быть, нѣтъ ничего невѣроятнаго, хотя такое воспоминаніе не можетъ ни въ какомъ случаѣ считаться надежнымъ. Однако, то, что утверждаетъ это воспоминаніе Леонардо, что коршунъ открылъ своимъ хвостомъ ротъ ребенку, звучитъ такъ невѣроятно, такъ сказочно, что навертывается другое предположеніе, болѣе доступное пониманію, которое разомъ разрѣшаетъ затрудненія. Эта сцена съ коршуномъ не есть воспоминаніе Леонардо, но фантазія, которую онъ позже создалъ и перенесъ въ свое дѣтство. Дѣтскія

---

*) „Queto scriver si distintamente del nibio par che sia mio destino, perchè nella mia prima ricordatione della mia infantia e mi parea che essendo io in culla, che un nibio venissi a me e mi aprissi la bocca colla sua coda e molte volte mi percuotesse con tal coda dentro alla labbra". (Cod. attant. F. 65 U. no Scognamigli.

воспоминанія людей часто имѣютъ именно такое происхожденіе; они вообще не фиксируются при переживаніи и не повторяются потомъ, какъ воспоминанія зрѣлаго возраста, но только впослѣдствіи, когда дѣтство уже окончилось, они воскресаютъ, причемъ измѣняются, искажаются, приспособляются къ позднѣйшимъ тенденціямъ, такъ что ихъ трудно бываетъ строго отдѣлить отъ фантазій. Можетъ быть самый лучшій способъ составить себѣ понятіе о ихъ природѣ, это вспомнить, какимъ образомъ у древнихъ народовъ начала составляться исторія. Покамѣстъ народъ былъ малъ и слабъ, онъ не думалъ о томъ, чтобы писать свою исторію; обрабатывали землю страны, защищали свое существованіе отъ сосѣдей, старались отнять у нихъ земли и обогатиться. Это было героическое и доисторическое время. Потомъ началось другое время, когда стали жить сознательной жизнью, почувствовали себя богатыми и сильными, и теперь явилась потребность узнать, откуда произошли и какимъ образомъ стали тѣмъ, что есть. Исторія, начавшая отмѣчать послѣдовательно событія настоящаго времени, бросила взглядъ и назадъ въ прошлое, собрала традиціи и саги, объяснила пережитки стараго времени по нравамъ и обычаямъ и создала такимъ образомъ исторію древнихъ временъ. Эта исторія древности по необходимости была скорѣе выраженіемъ мнѣній и желаній настоящаго, чѣмъ изображеніе прошлаго, потому что многое исчезло изъ памяти народа, другое было искажено, иные слѣды прошлаго истолкованы превратно въ духѣ

времени, и кромѣ всего этого писали вѣдь исторію не по мотивамъ объективной любознательности, но потому, что хотѣли вліять на своихъ современниковъ, ихъ поднять и воодушевить или показать имъ ихъ отраженіе. Сознательныя воспоминанія человѣка о пережитомъ въ зрѣломъ возрастѣ можно вполнѣ сравнить съ этимъ процессомъ созданія исторіи, а его воспоминанія дѣтства по способу своего образованія и по своей безпочвенности — поздно и тенденціозно составленной первобытной исторіи народа.

Если, слѣдовательно, разсказъ Леонардо о коршунѣ, посѣтившемъ его въ колыбели, только позже родившаяся фантазія, то должно-бы думать, что едва ли стоитъ дольше на ней и останавливаться. Для ея объясненія можно было бы удовольствоваться открыто выраженной тенденціей придать санкцію предопредѣленія судьбы своему занятію проблемой птичьяго полета. Однако это пренебреженіе было бы такой-же несправедливостью, какъ если бы легкомысленно отбросить матерьялъ о сагахъ, традиціяхъ и толкованіяхъ въ древней исторіи народа. Несмотря на всѣ искаженія и превратныя толкованія ими все-таки представлено реальное прошлое; они то, что народъ создалъ себѣ изъ переживаній своего давно прошедшаго, подъ вліяніемъ когда-то могучихъ и теперь еще дѣйствующихъ мотивовъ, и если-бы только можно было знаніемъ всѣхъ дѣйствующихъ силъ вновь исправить эти искаженія, то за этимъ легендарнымъ матерьяломъ мы могли бы открыть историческую правду. То же самое

относится и къ воспоминаніямъ дѣтства или фантазіямъ единичныхъ личностей. Не безразлично, что человѣкъ считаетъ оставшимся въ памяти изъ его дѣтства. Обыкновенно за обрывками воспоминаній ему самому непонятными скрыты безцѣнныя свидѣтельства самыхъ важныхъ чертъ его духовнаго развитія. Но такъ какъ въ психоаналитической техникѣ мы имѣемъ превосходныя средства, чтобы освѣтить сокровенное, то можно попытаться пополнить посредствомъ анализа пробѣлъ въ исторіи дѣтства Леонардо. Если мы не достигнемъ при этомъ достаточной степени достовѣрности, то мы можемъ себя утѣшить тѣмъ, что столькимъ другимъ изслѣдованіямъ о великомъ и загадочномъ человѣкѣ суждена была не лучшая участь.

Но когда мы посмотримъ глазами психоаналитика на фантазію Леонардо о коршунѣ, то она не долго представляется намъ странной. Мы вспоминаемъ, что часто, напримѣръ, въ сновидѣніяхъ, мы видали подобное, такъ что мы увѣрены, что намъ удастся эту фантазію сего страннаго языка перевести на языкъ общепонятный. Переводъ указываетъ тогда на эротическое. Хвостъ „cado“ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ символовъ и способовъ изображенія мужского полового органа, въ итальянскомъ не менѣе, чѣмъ въ другихъ языкахъ; представленіе заключающееся въ фантазіи, что коршунъ открылъ ротъ ребенку и хвостомъ тамъ усиленно работалъ соотвѣтствуетъ представленію о fellatio полового акта, при которомъ членъ вводится въ ротъ другого лица. До-

вольно странно, что эта фантазія носитъ такой сплошь пассивный характеръ; она напоминаетъ также нѣкоторые сны женщинъ или пассивныхъ гомосексуалистовъ (играющихъ при сексуальныхъ отношеніяхъ женскую роль).

Пусть, однако, читатель повременитъ и въ пламенномъ негодованіи не откажется слѣдить за психоанализомъ изъ-за того, что уже при первомъ примѣненіи онъ приводитъ къ непростительному посрамленію память великаго и чистаго человѣка. Очевидно вѣдь, что негодованіе это никогда намъ не сможетъ сказать, что означаетъ фантазія дѣтства Леонардо; съ другой стороны Леонардо недвусмысленно признался въ этой фантазіи и мы не откажемся отъ мысли—отъ предубѣжденія, если угодно—что такая фантазія, какъ и каждое созданіе психики, какъ-то сонъ, видѣніе, бредъ, должно имѣть какое-нибудь значеніе. Поэтому лучше удѣлимъ немного вниманія аналитической работѣ, которая, вѣдь, не сказала еще своего послѣдняго слова. Влеченіе брать въ ротъ мужской органъ и его сосать, которое причисляется въ гражданскомъ обществѣ къ отвратительнѣйшимъ извращеніямъ, встрѣчается все же часто у женщинъ нашего времени и,—какъ доказываютъ старинныя картины,—также и женщинъ стараго времени, и видимо въ состояніи влюбленности притупляется его отталкивающій характеръ. Врачъ встрѣчаетъ фантазіи, основанныя на этой склонности также и у женщинъ, которые не познакомились чтеніемъ сексуальной психопаталогіи Крафта Эбинга или посредствомъ другихъ источ-

никовъ съ возможностью такого полового удовлетворенія. Видимо женщинамъ доступно создавать непроизвольно такія желанія—фантазіи *). Потому что, провѣряя, мы видимъ также, что эти, такъ тяжко преслѣдуемыя обычаями, дѣйствія, допускаютъ самое безобидное объясненіе. Они ничто иное какъ переработка другой ситуаціи, въ которой мы всѣ когда-то чувствовали себя отлично, когда въ грудномъ возрастѣ („essendo io in culla") брали въ ротъ сосокъ матери или кормилицы, чтобы его сосать. Органическое впечатлѣніе этого нашего перваго жизненнаго наслажденія. конечно, осталось прочно запечатлѣвшимся; когда дитя знакомится позже съ выменемъ коровы, которое по своей функціи сходно съ груднымъ соскомъ, а по формѣ и положенію на брюхѣ съ penis'омъ, оно уже достигло первой ступени для позднѣйшаго образованія этой отвратительной сексуальной фантазіи.

Мы понимаемъ теперь, почему Леонардо воспоминаніе о мнимомъ переживаніи съ коршуномъ относитъ къ грудному возрасту. Подъ этой фантазіей скрывается не что иное, какъ реминисценція о сосаніи груди матери, человѣчески прекрасную сцену чего онъ, какъ многіе другіе художники, брался изображать кистью на Божьей матери и ея младенцѣ. Во всякомъ случаѣ запомнимъ, хотя мы еще и не понимаемъ, что эта одинаково важная для обоихъ половъ реминисценція, была обра-

*) Сравни по этому поводу „Bruchstück einer Hystericanalyse", „Sammlung kleiner Schriften fur Neurosenlehre" Zweite Folge, 1909.

ботана мужчиной Леонардо въ пассивную гомосексуальную фантазію. Мы оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ, какая связь могла бы быть между гомосексуальностью и сосаніемъ материнской груди, и только вспомнимъ, что молва въ самомъ дѣлѣ считала Леонардо гомосексуально чувствующимъ. При этомъ намъ безразлично подтвердилось или нѣтъ обвиненіе противъ юноши Леонардо; не реальное дѣйствіе, а образъ чувствованій рѣшаетъ для насъ вопросъ, можемъ ли мы въ комъ-нибудь обнаружить гомосексуальность.

Другая непонятная черта дѣтской фантазіи Леонардо прежде всего возбуждаетъ нашъ интересъ. Мы объясняемъ фантазію сосаніемъ матери и находимъ мать замѣненною коршуномъ. Откуда произошелъ этотъ коршунъ и какъ онъ попалъ сюда?

Одна догадка навертывается, но такая отдаленная, что хочется отъ нея отказаться. Въ священныхъ іероглифахъ древнихъ египтянъ мать въ самомъ дѣлѣ пишется посредствомъ изображенія коршуна *). Эти египтяне почитали также божество материнства, которое изображалось съ головой коршуна или со многими головами, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одна была головой коршуна **). Имя этой богини было Мутъ; случайно ли только созвучіе со словомъ „Muter“ („мать“)?

*) Horapollo. Hieroglyphica I. 11. Μητέρα δὲ γράφοντες... γῦπα ζωγραφοῦσιν.

**) Roscher. Ausf. Lexikon der griechischen unh römischen Mythologie. Artikel Mut, II. B. 1894 - 1897.—Lanzone. Dizionario di mitologia egizia. Туринъ. 1882.

Итакъ, коршунъ, дѣйствительно, имѣетъ отношеніе къ матери, но въ чемъ можетъ это намъ помочь? Можемъ ли мы предполагать у Леонардо это свѣдѣніе, когда чтеніе іероглифовъ удалось только François Champollion (1790—1832)? *).

Интересно знать, какимъ путемъ древніе египтяне пришли къ тому, чтобы выбрать коршуна символомъ материнства. Религія и культура египтянъ была уже для грековъ и римлянъ предметомъ научнаго интереса и задолго до того, какъ мы получили возможность читать египетскія письмена, въ нашемъ распоряженіи были единичныя о нихъ свѣдѣнія въ сохранившихся сочиненіяхъ классической древности, сочиненіяхъ, которыя частью принадлежатъ извѣстнымъ авторамъ, какъ Strabo, Plutarch, Aminianus Marcellus, частью носятъ неизвѣстныя имена и сомнительны по своему происхожденію и времени появленія, какъ іероглифы Horapollo Hilus и дошедшая до насъ подъ божественнымъ именемъ Hermes Trismegistos книга восточной жреческой мудрости. Изъ этихъ источниковъ мы узнали, что коршунъ считался символомъ материнства, потому что думали, что существуютъ только женскаго рода коршуны и что у этой породы птицъ нѣтъ мужского пола **).

Какъ же совершалось оплодотвореніе коршуновъ, если они всѣ были только самки? Этому

*) H. Hartleben. Champollion, sein Leben und seine Werke. 1906.

**) Plutarch. Veluti scarabaeos mares tantum esse putarunt Agyptii sic inter vultures mares uon inveniri statuerunt.

хорошее объясненіе даетъ одно мѣсто у Herapollo *). Въ извѣстное время эти птицы останавливаются въ своемъ полетѣ, открываютъ свои влагалища и зачинаютъ отъ вѣтра.

Мы теперь неожиданно пришли къ признанію очень вѣроятнымъ того, что еще недавно должны были отвергнуть какъ абсурдъ. Леонардо могъ очень хорошо знать о научной сказкѣ, которой коршунъ обязанъ тѣмъ, что египтяне его изображеніемъ писали понятіе мать. Это былъ человѣкъ массу читавшій, который интересовался всѣми областями литературы и знанія. Мы имѣемъ въ Codex atlanticus указатель всѣхъ имѣвшихся у него въ опредѣленное время книгъ **), и еще многочисленныя замѣтки о другихъ книгахъ, которыя онъ заимствовалъ у друзей; по списку книгъ, который Fr. Richter составилъ по его запискамъ, мы едва-ли можемъ переоцѣнить размѣры имъ прочитаннаго. Не было у него недостатка и въ старыхъ и современныхъ произведеніяхъ естественно исторического содержанія. Всѣ эти книги были въ то время уже напечатаны, и какъ разъ Миланъ былъ въ Италіи центромъ молодого книгопечатанія.

Если мы пойдемъ дальше, мы натолкнемся на свѣдѣніе, которое возможность того, что Леонардо читалъ сказку о коршунѣ, превращаетъ въ увѣ-

*) Horapollinis Niloi Hieroglyphica edidit Conradus Leemans Amstelodami 1835. Слова, касающіяся пола коршуновъ. гласятъ (стр. 14): μητέρα μέν ἐπειδὴ ἄρρεν ἐν τουτω τω ςένει τῶν ζώων οὒφ ὑπάρχει.

**) Müntz. Leonardo de Vinci, Paris 1899, p. 282.

ренность. Ученый издатель и коментаторъ Horapollo дѣлаетъ примѣчаніе къ уже цитированному тексту (стр. 172): Caeterum hanc fabilam de vulturibus cupide amplexi sunt Patres Ecclesiastici, ut ita argumento ex rerum natura petito refutarent eos, qui Virginis partum negabant: itaque apud omnes fere hujus rei mentio occurit.

Итакъ басня объ однополости и зачатіи коршуновъ ни въ какомъ случаѣ не осталась безразличнымъ анекдотомъ, какъ аналогичная о скарабеяхъ; служители церкви опирались на нее, чтобы имѣть естественно-историческій аргументъ противъ сомнѣвающихся въ священной исторіи. Если по самымъ лучшимъ источникамъ древности коршунамъ было суждено оплодотворяться отъ вѣтра, почему бы нѣчто подобное не могло однажды произойти съ женщиной? Вслѣдствіе этого отцы церкви „почти всѣ“ старались разсказывать басню о коршунѣ, и едва-ли можно сомнѣваться, что благодаря такому могущественному покровительству она стала извѣстна и Леонардо.

Созданіе фантазіи о коршунѣ Леонардо мы можемъ представить себѣ слѣдующимъ образомъ: когда онъ прочелъ однажды у отца церкви или въ естественно-исторической книгѣ о томъ, что коршуны всѣ самки и умѣютъ размножаться безъ помощи самцовъ, тогда вынырнуло въ немъ воспоминаніе, превратившееся въ эту фантазію. Она говорила, что онъ вѣдь тоже былъ такимъ дѣтенышемъ коршуна, имѣвшимъ мать, но не имѣвшимъ отца и, что часто бываетъ въ столь давнихъ воспоминаніяхъ, къ этому присоединился

отзвукъ наслажденія, полученнаго имъ у материнской груди. Намеки авторовъ на дорогой для каждаго художника образъ Святой Дѣвы съ Младенцемъ должны были способствовать тому, что эта фантазія показалась ему драгоцѣнной и значительной. Вѣдь такимъ образомъ онъ приходилъ къ отожествленію себя съ младенцемъ Христомъ, утѣшителемъ и спасителемъ.

Когда мы анализируемъ какую-нибудь дѣтскую фантазію, мы стремимся отдѣлить ея реальное содержаніе отъ позднѣйшихъ воздѣйствій, которыя ее измѣняютъ и искажаютъ. Въ случаѣ Леонардо, мы думаемъ, что знаемъ теперь реальное содержаніе его фантазіи; замѣна матери коршуномъ указываетъ на то, что ребенокъ чувствовалъ отсутствіе отца и жилъ съ одной матерью. Фактъ незаконнаго рожденія Леонардо соотвѣтствуетъ его фантазіи о коршунѣ; только поэтому могъ онъ сравнить себя съ дѣтенышемъ коршуна. Но мы знаемъ другой достовѣрный фактъ его юности, что пятилѣтнимъ ребенкомъ онъ жилъ въ домѣ своего отца; когда это случилось, нѣсколько ли мѣсяцевъ спустя послѣ его рожденія, или нѣсколько недѣль до составленія того кадастра, намъ совершенно неизвѣстно. Но тутъ выступаетъ толкованіе фантазіи о коршунѣ и показываетъ намъ, что Леонардо критическіе первые годы своей жизни провелъ не у отца и мачехи, а у бѣдной, покинутой, настоящей своей матери, такъ что онъ имѣлъ время замѣтить отсутствіе отца. Это кажется слабымъ и притомъ слишкомъ смѣлымъ выводомъ психоаналитической

работы, но при дальнѣйшемъ углубленіи его значеніе усилится. Достовѣрность этого увеличивается еще сопоставленіемъ фактическихъ условій дѣтства Леонардо. Извѣстно, что его отецъ синьоръ Пьеро-да-Винчи женился еще въ годъ рожденія Леонардо на знатной доннѣ Альбіерѣ; бездѣтности этого супружества былъ обязанъ мальчикъ документально доказаннымъ пребываніемъ на пятомъ году жизни въ домѣ отца, или скорѣе въ домѣ дѣда. Но не въ обычаѣ, чтобы молодой женщинѣ, которая еще разсчитываетъ на благословеніе дѣтьми, съ самаго начала давали на воспитаніе незаконный отпрыскъ. Должны были безъ сомнѣнія сначала пройти годы разочарованія, прежде чѣмъ рѣшились принять, вѣроятно, прекрасно развившееся, незаконное дитя для возмѣщенія тщетно ожидаемыхъ законныхъ дѣтей. Наиболѣе соотвѣтствовало бы нашему толкованію фантазіи о коршунѣ, еслибы прошли 3 или даже 5 лѣтъ жизни Леонардо, прежде чѣмъ онъ промѣнялъ свою одинокую мать на супружескую чету. Но тогда было уже слишкомъ поздно. Въ первые три—четыре года жизни фиксируются впечатлѣнія и вырабатываются способы реагированія на внѣшній міръ, которые никакимъ позднѣйшимъ переживаніемъ не могутъ быть лишены ихъ значительности.

Если справедливо, что неясныя воспоминанія дѣтства и на нихъ построенныя фантазіи всегда заключаютъ самое существенное въ духовномъ развитіи человѣка, то фактъ подтверждаемый фантазіей о коршунѣ, что Леонардо свои первые

годы жизни провелъ съ одной матерью, долженъ былъ имѣть выдающееся вліяніе на складъ его внутренней жизни. Подъ вліяніемъ этого было неизбѣжно, что ребенокъ, которому въ его дѣтствѣ представилось одной проблемой больше, чѣмъ другимъ дѣтямъ, съ особой горячностью сталъ ломать голову надъ этой загадкой и такимъ образомъ рано сдѣлался изслѣдователемъ, потому что великіе вопросы мучили его, откуда являются дѣти, и какое отношеніе имѣетъ отецъ къ ихъ появленію. Ощущеніе этой связи между его изслѣдованіемъ и исторіей его дѣтства, вызвало въ немъ позже восклицаніе, что ему навѣрно было заранѣе предназначено углубиться въ проблему птичьяго полета, потому что его еще въ колыбели посѣтилъ коршунъ. Вывести любознательность, направленную на птичій полетъ изъ дѣтскаго сексуальнаго изслѣдованія, будетъ нашей слѣдующей нетрудно исполнимой задачей.

III.

Въ дѣтской фантазіи Леонардо реальное содержаніе воспоминанія представляетъ элементъ коршуна; связь, въ которую поставилъ самъ Леонардо свою фантазію, ярко освѣтила значеніе этого содержанія для его послѣдующей жизни. При дальнѣйшемъ толкованіи мы наталкиваемся на странную проблему: почему содержаніе этого воспоминанія было переработано въ гомосексуальную ситуацію? Мать кормящая грудью ребенка—или лучше: которую сосетъ ребенокъ,—превращена въ птицу коршуна, который всовы-

ваетъ свой хвостъ въ ротъ ребенку. Мы утверждаемъ, что „Сода“ коршуна по общеупотребительному въ языкѣ замѣщенію можетъ означать ничто иное, какъ мужской половой органъ. Но мы не понимаемъ, какъ фантазія можетъ притти къ тому, чтобы какъ разъ материнскую птицу надѣлить знакомъ мужественности, и ввиду такой абсурдности мы усумнимся. возможно-ли найти въ этой фантазіи разумный смыслъ.

Между тѣмъ мы не должны унывать. Сколько сновъ, кажущихся абсурдными, мы уже заставили раскрыть ихъ смыслъ! Почему это должно быть труднѣе съ дѣтской фантазіей, чѣмъ со сномъ?

Помня, что не хорошо, если какая-нибудь странность встрѣчается одна, мы поспѣшимъ сопоставить ее съ другой, еще большей странностью.

Изображаемая съ головой коршуна богиня Мутъ египтянъ—фигура съ совершенно безличнымъ характеромъ, какъ опредѣляетъ Дрекслеръ въ словарѣ Рошера, сливалась часто съ другими божествами материнства съ болѣе явствено выраженной индивидуальностью, какъ Изида Гаторъ, но сохраняла при этомъ свое самостоятельное существованіе и почитаніе. Это была особая отличительная черта египетскаго пантеона, что отдѣльные боги не тонули въ синкретизмѣ. Рядомъ съ составными божествами образъ отдѣльнаго божества сохранялся самостоятельнымъ. Это материнское съ головой коршуна божество дѣлалось египтянами въ большинствѣ изображеній съ фаллосомъ *);

*) Сравни изображенія у Lauzone т. же., T. CXXXVI—VIII.

его по грудямъ, видимо, женское тѣло, имѣетъ также мужской членъ въ состоянiи эрекцiи.

Итакъ у богини Мутъ то-же соединенiе материнскихъ и мужскихъ чертъ характера, какъ и въ фантазiи Леонардо! Должны-ли мы это совпаденiе объяснить предположенiемъ, что Леонардо зналъ изъ изучаемыхъ книгъ также и двуполую натуру материнскаго коршуна? Такая возможность болѣе, чѣмъ сомнительна; кажется, бывшiе у него источники, не содержали ничего объ этомъ достопримѣчательномъ свойствѣ. Скорѣе можно объяснить это совпаденiе общимъ тамъ и здѣсь, но еще неизвѣстнымъ мотивомъ.

Мифологiя можетъ разсказать намъ, что двуполость, соединенiе мужскихъ и женскихъ половыхъ чертъ, встрѣчалось не только у Мутъ, но и у другихъ божествъ, какъ Изиды Гаторъ, но у этихъ можетъ-быть лишь постолько, посколько они имѣли тоже материнскую природу и сливались съ Мутъ *). Мифологiя учитъ насъ далѣе, что другiя божества египтянъ какъ Нейтъ изъ Саиса, изъ которой впослѣдствiи образовалась греческая Афина первоначально представлялась двуполой, гермофродитической; то-же относилось и ко многимъ другимъ греческимъ богамъ, особенно изъ группы Дiаниса, и также къ превращенной позже въ женскую богиню любви, Афродитѣ. Поэтому, можно было-бы попробовать объяснить, что приставленный къ женскому тѣлу фаллосъ долженъ былъ обозначать творческую силу природы,

*) См. Römer. т. же.

и что всѣ эти гермофродитическія божества выражаютъ идею, что только соединеніе мужского и женскаго можетъ дать дѣйствительное представленіе божественнаго совершенства. Но ни одно изъ этихъ соображеній не выясняетъ намъ психологической загадки, почему фантазія людей, образъ, который долженъ олицетворить сущность матери, снабжаетъ противуположнымъ признакомъ мужской силы.

Разгадкой служатъ инфантильныя сексуальныя теоріи. Было, безъ сомнѣнія, время, когда мужской членъ связывался въ представленіи съ матерью. Когда мальчикъ вначалѣ направляетъ свою любознательность на половую жизнь, его интересъ сосредоточивается на собственномъ половомъ органѣ.

Онъ считаетъ эту часть своего тѣла слишкомъ цѣнной и важной, чтобы подумать, что у другихъ людей, съ которыми оно такъ одинаково чувствуетъ, его могло не быть. Такъ какъ онъ не можетъ догадаться, что есть еще другой равноцѣнный типъ полового устройства, онъ долженъ предположить, что всѣ люди, а также и женщины, имѣютъ такой-же членъ, какъ и у него. Этотъ предразсудокъ такъ прочно укореняется въ молодомъ изслѣдователѣ, что онъ не разрушается даже наблюденіемъ половыхъ органовъ маленькихъ дѣвочекъ. Очевидность говоритъ ему во всякомъ случаѣ, что здѣсь что-то другое, чѣмъ у него, но онъ не въ состояніи примириться со смысломъ этого открытія, что у дѣвочекъ нѣтъ члена. То, что членъ можетъ отсутствовать, это предста-

вленіе для него страшно и невыносимо, онъ принимаетъ поэтому примиряющее рѣшеніе: членъ есть и у дѣвочекъ, но онъ еще очень маленькій; потомъ онъ еще выростетъ *). Если при дальнѣйшемъ наблюденіи онъ видитъ, что это ожиданіе не исполняется, то ему представляется еще другая возможность: членъ былъ и у маленькихъ дѣвочекъ, но онъ былъ отрѣзанъ, на его мѣстѣ осталась рана. Этотъ шагъ въ теоріи используетъ уже собственный опытъ мучительнаго характера: онъ слыхалъ за это время угрозу, что ему отрѣжутъ драгоцѣнный органъ, если онъ будетъ слишкомъ много имъ интересоваться. Подъ вліяніемъ этой угрозы кастраціи онъ перетолковываетъ свое пониманіе женскихъ половыхъ органовъ: съ этого времени онъ дрожитъ за свой мужской полъ и презираетъ при этомъ несчастныхъ созданій, надъ которыми по его понятіямъ уже произведено ужасное наказаніе.

Раньше чѣмъ ребенокъ подпалъ подъ власть кастраціоннаго комплекса, когда онъ женщину считалъ еще равноцѣнной съ собой, въ немъ начало выступать интенсивное влеченіе къ подсматриванію, какъ эротическая страсть. Ему хотѣлось видѣть половые органы другихъ людей, вначалѣ, вѣроятно, чтобы ихъ сравнить со своими собственными. Эротическая привлекательность, которая исходила изъ личности матери, сосредоточилась вскорѣ въ неудержимое стрем-

---

*) Ср. наблюденія въ „Jahrbuch für psychoanal. und psychopath.“ Forsch. Bd. I, 1904.

леніе къ ея принимаемому за penis половому органу. Съ пріобрѣтеніемъ позже знанія, что у женщины нѣтъ penis'а, это стремленіе превращается часто въ свою противуположность, уступая мѣсто отвращенію, которое ко времени половой зрѣлости можетъ стать причиной психической импотенціи, женоненавистничества, продолжительной гомосексуальности. Но фиксированіе бывшаго когда-то предметомъ желанія penis'а женщины, оставляетъ неизгладимые слѣды въ душевной жизни ребенка, продѣлавшаго съ особымъ стараніемъ эту часть инфантильнаго сексуальнаго изслѣдованія. Фетишеобразное обожаніе женской ноги и башмака принимаетъ вѣроятно ногу только за замѣняющій символъ когда-то обожаемаго и послѣ оказавшагося несуществующимъ penis'а женщины; отрѣзатели косъ играютъ, не зная этого, роль людей, которые на женскихъ половыхъ органахъ производятъ кастрацію. Не можетъ быть должнаго отношенія къ дѣятельности дѣтской сексуальности, и вѣроятно эти сообщенія сочтутъ ложными, пока вообще не оставятъ точку зрѣнія нашего культурнаго пренебреженія къ половымъ органамъ и половой функціи. Для пониманія дѣтской психологіи надо обратиться къ аналогіи съ первобытными людьми. Для насъ половые органы изъ рода въ родъ считаются предметомъ стыда, а при дальнѣйшемъ распространеніи сексуальнаго вытѣсненія, даже отвращенія. Съ отвращеніемъ покаряется большинство нынѣ живущихъ веленіямъ закона размноженія, чувствуя себя при этомъ оскорбленными въ ихъ человѣ-

ческомъ достоинствѣ и падшими. Иное отношеніе къ половой жизни осталось только въ сѣрыхъ, низшихъ классахъ народа, у высшихъ-же оно прячется, осужденное культурой и осмѣливается дѣйствовать только подъ горькими упреками нечистой совѣсти. Иначе было у человѣчества въ началѣ вѣковъ. Изъ старательно собранныхъ изслѣдователями культуры коллекцій древности можно видѣть, что половые органы вначалѣ были гордостью и надеждой живущихъ, пользовались божескимъ почитаніемъ, и божественность ихъ функцій переносилась на всѣ вновь возникавшія отрасли дѣятельности. Безчисленные образы боговъ рождались посредствомъ сублимированія половой сущности, и ко времени, когда связь офиціальной религіи съ половой дѣятельностью исчезла изъ общаго сознанія, тайные культы старались сохранить ее въ кругу извѣстнаго числа посвященныхъ. Наконецъ, въ ходѣ развитія культуры произошло такъ, что изъ сексуальности извлечено было такъ много божественнаго и священнаго, что истощенный остатокъ подпалъ презрѣнію. Но при неискоренимости лежащей въ натурѣ всѣхъ психическихъ чертъ, не должно удивляться, что даже самыя примитивныя формы поклоненія дѣтороднымъ органамъ наблюдаются до самаго послѣдняго времени, и что словоупотребленіе, обычаи и суевѣрія нынѣшняго человѣчества содержатъ пережитки всѣхъ фазъ этого хода развитія *).

---

*) См. Richard Payne Knight. Le culte du Priape. Bruxelles 1883.

Мы подготовлены вѣскими біологическими аналогіями къ тому, что духовное развитіе индивидуума вкратцѣ повторяетъ ходъ развитія человѣчества, и поэтому не найдемъ невѣроятнымъ то, что психо-аналитическое изслѣдованіе дѣтской души открываетъ въ инфантильной оцѣнкѣ [illegible]ловыхъ органовъ. Дѣтское предположеніе с[illegible]ествованія penis'а у матери и есть тотъ [illegible] источникъ, изъ котораго исходятъ двуполое изображеніе материнскихъ божествъ, какъ египетской Мутъ, и «Coda» коршуна въ дѣтской фантазіи Леонардо. Мы только по недоразумѣнію называемъ эти изображенія боговъ гермафродитическими въ медицинскомъ смыслѣ слова. Ни одно изъ нихъ не соединяетъ въ дѣйствительности половые органы обоихъ половъ, какъ они соединены въ нѣкоторыхъ случаяхъ уродства, возбуждающихъ отвращеніе каждаго; онѣ только присоединяютъ къ груднымъ железамъ—знаку материнства, мужской органъ, какъ это бываетъ въ первомъ дѣтскомъ представленіи ребенка. Мифологія приняла это достойное уваженія, еще въ древности сфантазированное, устройство тѣла матери за вѣрованіе. Хвостъ коршуна въ фантазіи Леонардо мы можемъ истолковать такимъ образомъ: въ то время, когда мое младенческое любопытство обратилось на мать, и я ей еще приписывалъ половой органъ, какъ у меня. Это есть дальнѣйшее доказательство ранняго сексуальнаго изслѣдованія Леонардо, которое по нашему мнѣнію стало рѣшающимъ для всей его послѣдующей жизни.

Краткое размышленіе понуждаетъ насъ те-

перь не удовлетвориться объясненіемъ хвоста коршуна въ дѣтской фантазіи Леонардо. Кажется въ ней содержится еще кое-что, чего мы еще не понимаемъ. Ея самая удивительная черта всетаки та, что она сосаніе материнской груди превратила въ нѣчто пассивное, т. е. въ ситуацію несомнѣнно гомосексуальнаго характера. Мысль объ исторической вѣроятности, что Леонардо велъ себя въ жизни, какъ гомосексуально чувствующій, ставитъ передъ нами вопросъ, не указываетъ ли эта фантазія на давнишнюю связь между дѣтскимъ отношеніемъ Леонардо къ его матери и его позднѣйшей явной, хотя и идеальной гомосексуальностью? Мы бы не рѣшились заключить о ней по искаженной реминисценціи Леонардо, если бы мы не знали изъ психоаналитическихъ изслѣдованій гомосексуальныхъ паціентовъ, что такая связь существуетъ и даже, что она очень тѣсная и необходимая.

Гомосексуальные мужчины, которые въ наше время предприняли энергичную дѣятельность противъ законодательнаго ограниченія ихъ половой дѣятельности, любятъ представлять себя черезъ своихъ теоретиковъ, какъ съ самаго начала обособленную половую группу, половую промежуточную ступень, какъ „третій полъ“. Они мужчины, которые органически съ самаго зародыша лишены влеченія къ женщинѣ, и потому ихъ привлекаетъ мужчина. Насколько охотно изъ гуманныхъ соображеній можно подписаться подъ ихъ требованіями, настолько же осторожно надо относиться къ ихъ теоріямъ, которыя выдвигаются, не прини-

мая во вниманіе психическаго генезиса гомосексуальности. Психоанализъ даетъ возможность заполнить этотъ пробѣлъ и подвергнуть провѣркѣ утвержденія гомосексуалистовъ. Онъ пока могъ выполнить эту задачу только у ограниченнаго числа лицъ, но всѣ до сихъ поръ предпринятыя изслѣдованія дали одинъ и тотъ же удивительный результатъ *). У всѣхъ нашихъ гомосексуальныхъ мужчинъ существовала въ раннемъ, впослѣдствіи индивидуумомъ позабытомъ, дѣтствѣ очень интенсивная эротическое влеченіе къ лицу женскаго пола, обыкновенно къ матери, вызванное или находившее себѣ поощреніе въ слишкомъ сильной нѣжности самой матери и далѣе подкрѣпленное отступленіемъ на задній планъ отца въ жизни ребенка. Sadger указываетъ, что матери его гомосексуальныхъ паціентовъ часто были мужеподобныя женщины, женщины съ энергичными чертами характера, которыя могли оттѣснить отца отъ подобающаго ему положенія; мнѣ случалось наблюдать то же самое, но болѣе сильное впечатлѣніе произвели на меня тѣ случаи, гдѣ отецъ отсутствовалъ съ самаго начала или рано изчезъ, такъ что мальчикъ былъ предоставленъ главнымъ образомъ вліянію матери. Это выглядитъ почти такъ, какъ будто присутствіе сильнаго отца гарантируетъ сыну правильное рѣшеніе для выбора объекта въ противуположномъ полѣ.

---

*) Это главнымъ образомъ изслѣдованія I. Sadger'a, которыя я могу подтвердить собственнымъ опытомъ. Кромѣ того мнѣ извѣстно, что W. Stekel въ Вѣнѣ и S. Ferenczi въ Будапештѣ пришли къ тѣмъ же результатамъ.

Послѣ этой предварительной стадіи наступаетъ превращеніе, механизмъ котораго намъ извѣстенъ, но котораго побудительныя причины мы еще не постигли. Любовь къ матери не можетъ развиваться вмѣстѣ съ сознаніемъ, она подпадаетъ вытѣсненію. Мальчикъ вытѣсняетъ любовь къ матери, ставя самаго себя на ея мѣсто, отожествляетъ себя съ матерью и свою собственную личность беретъ за образецъ, выбирая схожихъ съ нимъ объектовъ любви. Такимъ образомъ онъ сталъ гомосексуальнымъ; въ сущности онъ возвратился къ автоэротизму, потому что мальчики которыхъ теперь любитъ взрослый, все-же только замѣстители и возобновители его собственной дѣтской личности, и онъ любитъ ихъ такъ, какъ мать любила его ребенкомъ. Мы говоримъ,—онъ находитъ свои предметы любви путемъ нарцисизма, потому-что греческая сага называетъ Нарцисомъ юношу, которому ничто такъ не нравилось, какъ собственное изображеніе, и который былъ обращенъ въ прекрасный цвѣтокъ, носящій это имя.

Болѣе глубокія психологическія соображенія оправдываютъ утвержденіе, что ставшій такимъ путемъ гомосексуальнымъ въ подсознаніи остается фиксированнымъ къ образу воспоминанія своей матери. Вытѣсненіемъ любви къ матери онъ сохраняетъ эту любовь въ своемъ подсознаніи и остается съ тѣхъ поръ ей вѣренъ. Если кажется, что онъ какъ влюбленный бѣгаетъ за мальчиками, то на самомъ дѣлѣ онъ бѣжитъ отъ другихъ женщинъ, которыя могли бы сдѣлать его невѣрнымъ.

Мы могли бы также доказать прямыми единичными наблюденіями, что кажущійся чувствительнымъ только къ мужскому раздраженію на самомъ дѣлѣ подлежитъ притягательной силѣ, исходящей отъ женщины, какъ и нормальный; но онъ спѣшитъ всякій разъ полученное отъ женщины раздраженіе перенести на мужской объектъ и повторяетъ такимъ образомъ опять и опять механизмъ, посредствомъ котораго онъ пріобрѣлъ свою гомосексуальность.

Мы далеки отъ того, чтобы преувеличивать значеніе этихъ выясненій психическаго генезиса гомосексуальности. Ясно, что они грубо противорѣчатъ офиціальнымъ теоріямъ гомосексуалистовъ, но мы знаемъ, что они недостаточно всеобъемлющи, чтобы сдѣлать возможнымъ окончательное рѣшеніе проблемы. То, что на практикѣ называютъ гомосексуальностью, можетъ быть исходитъ изъ разнообразныхъ психо-сексуальныхъ задерживающихъ процессовъ, и нами указанный путь можетъ-быть только одинъ изъ многихъ и вѣренъ только для одного типа „гомосексуальности“. Мы должны также прибавить, что изъ нашего гомосексуальнаго типа число случаевъ, въ которыхъ выполнены всѣ требуемые нами условія, далеко превосходится числомъ случаевъ, въ которыхъ тотъ-же эффектъ наступаетъ такъ, что даже мы не можемъ отрицать содѣйствіе невѣдомыхъ конституціональныхъ факторовъ, которымъ другіе приписываютъ происхожденіе всей гомосексуальности. Мы вообще не имѣли бы никакого повода входить въ психическій генезисъ изучаемой нами

формы гомосексуальности, если бы вѣское предположеніе не говорило за то, что какъ разъ Леонардо, котораго фантазія о коршунѣ послужила намъ исходной точкой, принадлежитъ къ этому типу гомосексуальныхъ.

Какъ ни мало извѣстно въ половомъ отношеніи о великомъ художникѣ и изслѣдователѣ, приходится всетаки вѣрить, что свидѣтельства современниковъ не такъ ужъ грубо заблуждались. Въ свѣтѣ этихъ преданій онъ представляется намъ человѣкомъ, котораго половая потребность и активность были очень понижены, какъ будто болѣе высокое стремленіе подняло его надъ общей животной потребностью людей. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, искалъ ли онъ когда-нибудь и какимъ способомъ прямого полового удовлетворенія, или онъ могъ совсѣмъ обойтись безъ него. Но мы и у него вправѣ искать тѣхъ стремленій, которыя другихъ властно толкаютъ къ сексуальному дѣйствію, потому что мы не можемъ себѣ представить душевной жизни человѣка, въ построеніи которой не принимали бы участія сексуальное стремленіе въ широкомъ смыслѣ слова, libido, хотя бы оно далеко отклонялось отъ своей первоначальной цѣли или удерживалось бы отъ выполненія.

Что-нибудь больше, кромѣ слѣдовъ непревращеннаго сексуальнаго влеченія мы не въ правѣ ожидать отъ Леонардо. Эти же слѣды по своему направленію и позволяютъ причислить его къ гомосексуальнымъ. Уже раньше указывалось, что онъ бралъ къ себѣ въ ученики только очень кра-

сивыхъ мальчиковъ и юношей. Онъ былъ къ нимъ добръ и снисходителенъ, заботился о нихъ, самъ ухаживалъ за ними, когда они были больны, какъ мать ухаживаетъ за своими дѣтьми и какъ его собственная мать могла бы ухаживать за нимъ. Такъ какъ онъ выбиралъ ихъ по ихъ красотѣ, а не по ихъ талантливости, то ни одинъ изъ нихъ: Cesare da Sesto, G. Boltraffio, Andrea Salaino, Francesco Melzi и другіе, не сдѣлался значительнымъ художникомъ. Большей части изъ нихъ не удалось достигнуть самостоятельнаго отъ ихъ учителя значенія, они исчезли послѣ его смерти, не оставя опредѣленной физіономіи въ исторіи искусства. Другихъ, которые по своему творчеству должны бы были съ полнымъ правомъ называться его учениками, какъ Luini и Bazzi, прозванный Sodoma, онъ, вѣроятно, лично не зналъ.

Мы ожидаемъ встрѣтить возраженіе, что отношенія Леонардо къ его ученикамъ не имѣютъ вообще ничего общаго съ половыми мотивами и не даютъ возможности дѣлать какія-нибудь заключенія о его половыхъ особенностяхъ. Противъ этого мы хотимъ со всей осторожностью возразить, что наше пониманіе объясняетъ нѣкоторыя странныя черты въ поведеніи художника, которыя иначе должны были бы оставаться загадочными. Леонардо велъ дневникъ; онъ дѣлалъ въ своей мелкой, написанной справа налѣво записи помѣтки, предназначавшіяся только для себя. Въ этомъ дневникѣ онъ странно обращается къ самому себѣ на „ты“: „изучи у маэстро Лука умноженіе

корней" *). „Пусть маэстро д'Абакко покажетъ тебѣ квадратуру круга". Или по поводу одного путешествія *): „Я ѣду по моему дѣлу садоводства въ Маиландъ... Вели сдѣлать двѣ дорожныхъ сумки. Вели показать тебѣ токарный станокъ Больтрафіо и обработать на немъ камень. — Оставь книгу для маэстро Андреа Тодеско" **). Или намѣреніе совсѣмъ иного рода: „Ты долженъ показать въ твоемъ сочиненіи, что земля есть звѣзда, какъ луна или вродѣ того, и такимъ образомъ доказать благородство нашего міра" ***).

Въ этомъ дневникѣ, который, впрочемъ,—какъ дневники и другихъ смертныхъ—самыя значительныя событія дня часто очерчиваетъ только немногими словами, или совсѣмъ замалчиваетъ, есть нѣкоторыя мѣста, которыя изъ-за ихъ странности цитируются всѣми біографами Леонардо. Это замѣтки о мелкихъ расходахъ художника педантически точныя, какъ будто принадлежащія строгому филистеру и бережливому хозяину, при этомъ указанія о расходованіи большихъ суммъ отсутствуютъ, и ничто вообще не указываетъ, чтобы художникъ вникалъ въ хозяйство. Одна изъ та-

---

*) Solmi. Leonardo da Vinci.

*) Solmi. Leonardo da Vinci.

**) Леонардо ведетъ себя при этомъ, какъ человѣкъ, привыкшій ежедневно исповѣдываться передъ другимъ и который теперь замѣняетъ этого другого дневникомъ. Предположеніе, кто бы это могъ быть, смотри у Мережковскаго. Стр. 367.

***) M. Hersfeld. Leonardo da Vinci. 1906, p. CXLI.

кихъ замѣтокъ касается новаго плаща, купленнаго ученику Андреа Салаино: *)

Серебряная парча	15 лиръ	4 солл.
Красный бархатъ для отдѣлки .	9 „	— „
Шнуры	— „	9 „
Пуговки	— „	12 „

Другая очень подробная запись заключаетъ всѣ расходы, которые причинилъ ему другой ученикъ своими скверными чертами и склонностью къ воровству: „21 апрѣля 1490 года началъ я эту тетрадь и началъ опять лошадь**). Джакомбо поступилъ ко мнѣ въ день св. Магдадлины тысяча 490 года. 10 лѣтъ (отмѣтка на поляхъ: воровать, лживъ, упрямъ, прожорливъ). На другой день я велѣлъ для него отрѣзать на 2 рубахи, пару штановъ и камзолъ, и когда я отложилъ деньги, чтобы заплатить за эти вещи, онъ укралъ у меня деньги изъ кошелька, и никакъ невозможно было заставить его сознаться, хотя я былъ въ этомъ совершенно увѣренъ. (Замѣтка на поляхъ: 4 лиры...)“ Въ этомъ-же духѣ продолжается перечисленіе злодѣяній малыша и заканчивается счетомъ: „Въ первомъ году плащъ, 2 лиры; 6 рубахъ, 4 лиры; 3 камзола, 6 лиръ; 4 пары чулокъ, 7 лиръ“ и т. д. ***)

Біографы Леонардо, которымъ и въ мысль не приходило разгадать загадку душевной жизни

*) По Мережковскому. Стр. 282.

**) О статуѣ всадника Франческо Сфорца.

***) Полный текстъ у M. Herzfeld. Стр. XLV.

ихъ героя съ помощью его мелкихъ недостатковъ истранностей, пытаются использовать эти странные счета, чтобы характеризовать доброту и заботливость маэстро къ его ученикамъ. Они забываютъ при этомъ, что не поведеніе Леонардо, но тотъ фактъ, что онъ оставилъ намъ эти свидѣтельства требуетъ разъясненія. Такъ какъ невозможно предположить въ немъ желанія дать намъ въ руки доказательства своей доброты, то мы должны думать, что другой аффективный мотивъ побуждалъ его дѣлать эти записки. Не легко отгадать, какой именно, и мы не были-бы въ состояніи что-нибудь предположить, если-бы эти странные мелкіе счета о платьяхъ учениковъ не разъяснились-бы другимъ найденнымъ въ бумагахъ Леонардо счетомъ: *)

Расходы послѣ смерти на похороны Катерины	27	флор.
2 фунта воска	18	»
катафалка	12	»
за выносъ тѣла и постановку креста	4	»
4 священникамъ и 4 клеркамъ	20	»
колокольный звонъ	2	»
могильщикамъ	16	»
за разрѣшеніе, властямъ	1	»
Сумма	108	флор.

*) Мережковскій, стр. 372. Какъ на печальное доказательство ненадежности и безъ того скудныхъ свѣдѣній объ интимной жизни Леонардо я указываю, что тотъ-же счетъ у Solmi передается со значительными измѣненіями. Наиболѣе страннымъ кажется то, что флорины тамъ замѣнены соль-

Прежніе расходы:

доктору	4 флор.	
сахаръ и 12 свѣчей . .	12 »	16 »
Итого		124 флор.

Единственно поэтъ Мережковскій разъясняетъ, кто была эта Катерина. По двумъ другимъ коротким замѣткамъ онъ заключаетъ, что мать Леонардо, бѣдная крестьянка изъ Винчи, пріѣхала въ 1493 году въ Миланъ, чтобы навѣстить своего 41 лѣтняго сына, что она тамъ заболѣла, была отвезена Леонардо въ госпиталь, и когда она умерла, была имъ похоронена съ такой почетной пышностью *).

Это толкованіе психолога-романиста не есть конечно доказательство, но оно представляетъ такъ много внутренней правды, такъ хорошо согласуется со всѣмъ, что мы уже знаемъ о проявленіи чувствъ у Леонардо, что я не могу отказаться признать его правильнымъ. Онъ достигъ того, что заставилъ свои чувства подчиниться власти изслѣдованія и воздерживается отъ ихъ свободнаго проявленія; но были и у него моменты, когда подавленное стремилось проявиться,

---

дами. Надо предположить, что флорины въ этомъ счетѣ означаютъ не старые „гульдены“, но позже употреблявшуюся монету, которая равнялась $1\frac{2}{3}$ лиры или $33\frac{1}{3}$ сольдамъ. Solmi считаетъ Катерину за прислугу, которая вела одно время хозяйство Леонардо. До источника, изъ котораго почерпнуты оба счета, я не могъ добраться.

*) „Катерина прибыла 16 іюля 1493 года“.—„Джіованна— лицо легендарное — спроси о ней у Катерины въ больницѣ“.

и однимъ изъ такихъ случаевъ была смерть когда-то такъ горячо любимой матери. Въ этомъ счетѣ о похоронныхъ издержкахъ мы имѣемъ до неузнаваемости искаженное выраженіе горя по матери. Мы удивляемся, какъ могло получиться такое искаженіе, и не можемъ понять его съ точки зрѣнія нормальной психики. Но въ ненормальныхъ условіяхъ, при неврозахъ и особенно при такъ называемыхъ навязчивыхъ состояніяхъ мы часто встрѣчаемъ подобное. Тамъ мы видимъ интенсивныя, но посредствомъ вытѣсненія ставшія безсознательными чувства, выражающіяся въ мелочныхъ и даже нелѣпыхъ дѣйствіяхъ. Сопротивляющимся силамъ удается такъ ослабить выраженіе этихъ вытѣсненныхъ чувствъ, что интенсивность ихъ кажется очень незначительной; но въ принудительной навязчивости, съ которой выполняются эти мелочныя дѣйствія, обнаруживается настоящая, коренящаяся въ безсознательномъ, сила чувствъ, желавшихъ-бы укрыться отъ сознанія. Только подобный отзвукъ случившагося при навязчивомъ состояніи можетъ объяснить это вычисленіе расходовъ Леонардо на погребеніе матери. Въ подсознаніи онъ остался, какъ и во времена дѣтства, привязанъ къ ней чувствомъ, имѣвшимъ эротическую окраску; сопротивленіе позднѣе наступившаго вытѣсненія этой дѣтской любви не допускало, чтобы въ дневникѣ ея память была почтена болѣе достойно, но то, что получилось въ видѣ компромисса отъ этого невротическаго конфликта, должно было проявиться, и такимъ образомъ былъ написанъ этотъ

счетъ и оставленъ какъ загадка для потомковъ.

Мнѣ кажется, не будетъ дерзостью эту-же точку зрѣнія, съ какой мы разсматривали счетъ о погребеніи, примѣнить и къ счетамъ расходовъ на учениковъ. Тогда и ихъ можно было-бы объяснить такъ, что у Леонардо скудные остатки чувственнаго влеченія навязчивымъ образомъ стремились выразиться въ искаженной формѣ. Мать и ученики, подобія его собственной ребяческой красоты, были его сексуальными объектами, поскольку это допускалось господствовавшимъ въ немъ сексуальнымъ вытѣсненіемъ, и навязчивая потребность записывать съ педантической точностью расходы на нихъ и было странной замаскировкой этого рудиментарнаго конфликта. Отсюда слѣдуетъ, что сексуальная жизнь Леонардо дѣйствительно принадлежитъ къ гомосексуальному типу, психологическое развитіе котораго намъ удалось найти, и гомосексуальная ситуація въ его фантазіи о коршунѣ становится намъ понятна, т. к. она показываетъ только то, что мы уже раньше знали объ этомъ типѣ. Она говоритъ: „изъ-за этого эротическаго отношенія къ матери я сталъ гомосексуальнымъ“ *).

---

*) Форма, въ которой принуждена была выражаться вытѣсненная чувственность у Леонардо, обстоятельность и денежный интересъ, принадлежатъ къ чертамъ характера, проистекающимъ изъ анальной эротики. Charakter und Analerotik во второй части моего сборника о неврозахъ. 1909

IV.

Мы все еще не можемъ покончить съ фантазіей Леонардо о коршунѣ. Въ словахъ, которыя слишкомъ ясно выражаютъ описаніе сексуальнаго акта („и много разъ толкнулся хвостомъ въ мои губы") Леонардо подчеркиваетъ интенсивность эротическаго отношенія между матерью и ребенкомъ. По этой связи активности матери (коршуна) съ указаніемъ на ротовую область не трудно отгадать еще другое воспоминаніе, содержащееся въ этой фантазіи. Мы можемъ перевести это такъ: мать запечатлѣла на моихъ губахъ безчисленное количество страстныхъ поцѣлуевъ. Фантазія состоитъ изъ воспоминанія о сосаніи и поцѣлуяхъ матери.

Благодѣтельная природа одарила художника способностью выражать свои самыя таинственныя, отъ него самого скрытыя душевныя движенія въ своихъ твореніяхъ, которыя другихъ постороннихъ сильно захватываютъ, они сами не понимаютъ почему. Неужели на жизнедѣятельности Леонардо не должно было отразиться то, что его воспоминаніе сохранило какъ самое сильное впечатлѣніе дѣтства? Этого надо было-бы ожидать. Если-же взвѣсить, какія глубокія превращенія должно претерпѣть впечатлѣніе художника раньше, чѣмъ онъ сдѣлаетъ вкладъ въ искусство, то надо именно у Леонардо требованіе точности доказательствъ свести къ самымъ скромнымъ размѣрамъ.

Кто представляетъ себѣ картины Леонардо, тотъ вспомнитъ объ удивительной, обольсти-

тельной и загадочной улыбкѣ, которой онъ заворожилъ уста своихъ женскихъ образовъ. Остановившаяся улыбка на растянутыхъ, выведенныхъ губахъ; она сдѣлалась для него характерной и называется преимущественно „Леонардовскою". На странно - прекрасномъ лицѣ флорентинки монны Лизы Джіоконды эта улыбка больше всего привлекала и приводила въ замѣшательство зрителей. Она требовала объясненія и объяснялась разно и всегда мало удовлетворительно. „Voila quatre siècles bientôt que Mona Lisa fait perdre la tête à tous ceux qui parlent d'elle, après l'avoir longtemps regardée" *).

„Что приковывало зрителя, это именно демоническія чары этой улыбки. Сотни поэтовъ и писателей писали объ этой женщинѣ, которая кажется то обольстительно улыбающейся, то холодно и бездушно смотрящей въ пространство, и никто не разгадалъ ея улыбки, никто не прочелъ ея мыслей. Все, даже ландшафтъ, загадочно какъ сонъ, какъ будто все дрожитъ въ знойной чувственности".

Мысль, что въ улыбкѣ монны Лизы соединены два различные элемента, являлась у многихъ критиковъ. Они поэтому видятъ въ мимикѣ прекрасной флорентинки совершеннѣйшее изображеніе противорѣчій, господствующихъ въ любви женщины, сдержанность и обольстительность, полную преданности нѣжность и черствую, требовательную захватывающую мужчину, какъ нѣчто

*) Gruyer по Seidlitz'y. L. da V., II т., стр. 280.

чуждое, чувственность. Такъ Müntz говоритъ: *) „Извѣстно, какое загадочное очарованіе вотъ уже четыре вѣка монна Лиза Джіоконда производитъ на толпящихся передъ ней поклонниковъ. Никогда художнику (привожу слова тонкаго критика, скрывающагося подъ псевдонимомъ Pierr le Corlay) „не удавалось передать такъ самую сущность женственности: нѣжность и кокетство, стыдливость и глухую страсть, всю тайну скрытнаго сердца, мыслящаго мозга и прячущейся индивидуальности, которой виденъ одинъ только отблескъ...“

Итальянецъ Angelo Conti **), видя эту картину въ Луврѣ, оживленную солнечнымъ лучемъ, говоритъ: „La donna sorideva in una calma regale: i suoi instinti di conquista, di ferocia, tutta l'eredità della specie, le volontà della seduzione e dell'aquato, lagrazia del inganno, la bontà che cela un proposito crudele, tutto ciò appariva alternativamente e scompnariva dietro il velo ridente e si fondeva nel poema del suo sorriso... Buona e malvaggia, crudele e compassionevole, graziosa e felina, ella rideva...“

Леонардо писалъ эту картину четыре года, вѣроятно съ 1503 до 1507 года, во время своего второго пребыванія во Флоренціи, когда ему самому было больше 50 лѣтъ. Онъ примѣнялъ по словамъ Wasari самые изысканные способы, чтобы развлекать эту даму во время сеанса и удерживать улыбку на ея лицѣ. Изъ всѣхъ тонкостей,

*) Geschichte der Malerei, т. I, стр. 314.

**) A. Conti. Leonardo pittore, Conferenze fiorentine, т. же. стр. 93.

которыя его кисть тогда передавала на полотнѣ. на картинѣ въ ея настоящемъ видѣ сохранилось только немногое; въ то время, когда она писалась, она считалась самымъ высокимъ, что могло создать искусство; но ясно, что самого Леонардо она не удовлетворяла, почему онъ объявилъ ее неоконченой, не отдалъ ея заказчику, а взялъ съ собой во Францію, гдѣ его покровитель Францъ I пріобрѣлъ ее у него для Лувра.

Оставимъ неразрѣшенной загадку лица монны Лизы и обратимъ вниманіе на несомнѣнный фактъ, что улыбка ея приковывала художника не меньше, чѣмъ и всѣхъ зрителей впродолженіи 400 лѣтъ. Эта обольстительная улыбка возвращается съ тѣхъ поръ на всѣхъ его картинахъ и на картинахъ его учениковъ. Такъ какъ монна Лиза Леонардо представляетъ портретъ, то мы не можемъ предположить, чтобы онъ отъ себя придалъ ея лицу эту, такъ трудно выразимую, черту, и что ея у нея не было. По всей вѣроятности онъ нашелъ эту улыбку у своей модели и такъ сильно подпалъ ея чарамъ, что съ той поры изображалъ ее и въ своихъ свободныхъ твореніяхъ. Подобный-же взглядъ высказываетъ, напримѣръ, А. Константинова: *)

„Впродолженіи долгаго времени, когда художникъ былъ занятъ портретомъ монны Лизы Джіоконды, онъ такъ проникся имъ и сжился со всѣми деталями лица этого женскаго образа, что его черты и особенно таинственную улыбку и

*) Т. ж., стр. 45.

странный взглядъ онъ перенесъ на всѣ лица, которыя онъ потомъ писалъ; мимическая особенность Джіоконды замѣтна даже въ картинѣ Іоанна Крестителя въ Луврѣ; особенно-же ясно видны эти черты въ лицѣ Маріи на картинѣ со св. Анной".

Хотя могло быть и иначе. Не у одного его біографа являлась потребность болѣе глубокаго обоснованія этой притягательной силы, съ которой улыбка Джіоконды завладѣла художникомъ, чтобы его больше не оставлять. W. Peter, видящій въ картинѣ монны Лизы, „воплощеніе всего любовнаго переживанія культурнаго человѣчества" и очень тонко высказавшій, что эта непостижимая улыбка у Леонардо постоянно какъ будто связана съ чѣмъ-то нечестивымъ, направляетъ насъ на другой путь, когда говоритъ: *)

„Въ концѣ концовъ картина эта есть портретъ. Мы можемъ прослѣдить, какъ онъ съ дѣтства примѣшивается въ содержаніе его грезъ, такъ что, если-бы противъ не говорили вѣскія свидѣтельства, то можно было-бы подумать, что это былъ найденный имъ наконецъ, воплотившійся идеалъ женщины..."

То-же самое, конечно, имѣетъ ввиду и M. Herzfeld, когда она высказываетъ, что въ моннѣ Лизѣ Леонардо встрѣтилъ самого себя, почему онъ смогъ такъ много внести своего въ образъ, черты котораго въ загадочной симпатіи издавна жили въ его душѣ.

---

*) W. Peter. Die Renaessance. 2-е изд. 1906 г., стр. 157, пер. съ англійскаго.

Попробуемъ развить и разъяснить эти мнѣнія. Итакъ, могло быть, что Леонардо прикованъ былъ улыбкой монны Лизы, потому что она будила что-то, уже издавна дремавшее въ его душѣ, вѣроятно старое воспоминаніе. Воспоминаніе это было достаточно глубоко, чтобы, разъ проснувшись, больше его не покидать: его влекло постоянно снова его изображать. Увѣреніе Peters'a, что можно прослѣдить, какъ лицо, подобное лицу монны Лизы, вплетается съ дѣтства въ ткань его грезъ, кажется правдоподобнымъ и заслуживаетъ быть понятымъ буквально.

Wasari упоминаетъ, какъ его первыя художественныя попытки „teste di femine che ridono" *). Это мѣсто, недопускающее сомнѣній, потому что оно ничего не хочетъ доказать, гласитъ дословно такъ: **) „Когда онъ въ юности сдѣлалъ изъ глины нѣсколько смѣющихся женскихъ головокъ, которыя были во множествѣ вылиты изъ гипса, и нѣсколько дѣтскихъ головокъ такъ хорошо, что, можно подумать, онѣ созданы были рукой великаго мастера..." (стр. 6).

Итакъ мы узнаемъ, что его художественныя упражненія начались съ изображенія двухъ родовъ объектовъ, которые должны намъ напомнить два сексуальные объекта, найденные нами при анализѣ фантазіи о коршунѣ. Если прелестныя дѣтскія головки были повтореніемъ его собственной дѣтской личности, то улыбающіяся женщины были

*) J. Scognamiglio, т. ж., стр. 32.
**) L. Schorn, III т. 1843, стр. 6.

ничѣмъ инымъ какъ повтореніемъ Катерины, его матери, и мы въ такомъ случаѣ начинаемъ предвидѣть возможность, что его мать обладала загадочной улыбкой, которую онъ утерялъ и которая такъ его приковала, когда онъ нашелъ ее опять во флорентійской дамѣ *).

По времени написанія стоитъ ближе всѣхъ къ Моннѣ Лизѣ картина, называемая „св. Анна втроемъ", т. е. св. Анна съ Маріей и младенцемъ Христомъ. Здѣсь видна Леонардовская улыбка, прекрасно выраженная на обоихъ женскихъ лицахъ. Нѣтъ возможности опредѣлить, насколько раньше или позже, чѣмъ портретъ монны Лизы, ее началъ писать Леонардо. Такъ какъ обѣ работы тянулись годы, надо, безъ сомнѣнія, предположить, что художникъ занимался ими одновременно. Наиболѣе согласовалось бы съ нашей идеей, если-бы именно углубленіе въ черты лица Лизы побудило Леонардо создать композицію св. Анны. Потому-что если улыбка Джіоконды пробуждала въ немъ воспоминаніе о матери, то тогда намъ понятно, что она прежде всего толкнула его создать прославленіе материнства и улыбку найденную имъ у знатной дамы возвратить матери. Поэтому мы принуждены перенести нашъ интересъ съ портрета монны Лизы на эту другую,

*) Это же самое предполагаетъ Мережковскій, который сочинилъ однако дѣтство Леонардо, отклоняющееся въ существенныхъ чертахъ отъ нашего, созданнаго изъ фантазіи о коршунѣ. Но если-бы самъ Леонардо имѣлъ такую улыбку, то едва-ли преданіе упустило-бы познакомить насъ съ этимъ совпаденіемъ.

едва-ли менѣе прекрасную картину, находящуюся теперь тоже въ Луврѣ.

Св. Анна съ дочерью и внукомъ—сюжетъ рѣдко встрѣчающійся въ Итальянской живописи. Изображеніе Леонардо во всякомъ случаѣ очень отличается отъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ. Муттеръ говоритъ: *)

„Нѣкоторые художники, какъ Гансъ Фрисъ, Гольбейнъ старшій и Girolamo dai Libri, изображали Анну, сидящую рядомъ съ Маріей, и между ними стоящаго ребенка. Другіе, какъ Iacob Cornelisz, въ своей берлинской картинѣ изображали въ буквальномъ смыслѣ слова „Heilige Anna selbdritt", т. е. они представляли ее держащей въ рукахъ маленькую фигурку Маріи, съ еще меньшей фигуркой Христа на рукахъ". У Леонардо Марія сидитъ на колѣняхъ своей матери, наклонившись впередъ и протянувъ обѣ руки къ мальчику, играющему съ ягненкомъ, котораго, конечно, немного обижаетъ. Бабушка, подбоченившись одной рукой, съ блаженной улыбкой смотритъ внизъ на обоихъ. Группировка конечно, не совсѣмъ непринужденная. Улыбка, играющая на губахъ обѣихъ женщинъ хотя, безъ сомнѣнія, та-же, что въ картинѣ монны Лизы, но она утратила свой непривѣтливый и загадочный характеръ, и выражаетъ задушевность и тихое блаженство **).

---

*) То же стр. 309.

**) А. Константинова т. же: „Марія смотритъ съ глубокимъ чувствомъ на своего любимца съ улыбкой, напоминающей загадочное выраженіе „Джіоконды", и въ другомъ мѣстѣ о Маріи: „Въ ея чертахъ играетъ улыбка Джіоконды".

При извѣстномъ углубленіи въ эту картину зритель начинаетъ понимать, что только Леонардо могъ написать эту картину, такъ же, какъ только онъ могъ создать фантазію о коршунѣ. Въ этой картинѣ заключается синтезъ исторіи его дѣтства; детали этой картины могутъ быть объяснены личными жизненными переживаніями Леонардо. Въ домѣ своего отца онъ нашелъ не только добрую мачеху донну Альбіеру, но также и бабушку, мать его отца, монну Лючію, которая, надо думать, была съ нимъ не менѣе нѣжна, чѣмъ вообще бываютъ бабушки. Это обстоятельство могло-бы направить его мысль на представленіе о дѣтствѣ, охраняемомъ матерью и бабушкой. Другая удивительная черта картины пріобрѣтаетъ еще большее значеніе. Св. Анна, мать Маріи и бабушка мальчика, которая должна была быть въ солидномъ возрастѣ изображена здѣсь, можетъ быть немного старше и серьезнѣе, чѣмъ св. Марія, но еще молодой женщиной съ неувядшей красотой. Леонардо далъ на самомъ дѣлѣ мальчику двухъ матерей: одну, которая простираетъ къ нему руки, и другую находящуюся на заднемъ планѣ, и обѣихъ онъ изобразилъ съ блаженной улыбкой материнскаго счастья. Эта особенность картины не преминула возбудить удивленіе писателей; Муттеръ, напримѣръ, полагаетъ, что Леонардо не могъ рѣшиться изобразить старость, складки и морщины и потому сдѣлалъ и Анну женщиной, блещущей красотой. Можно-ли удовлетвориться этимъ объясненіемъ? Другіе нашли возможнымъ отрицать вообще одинаковость возраста матери и до-

чери *). Но попытка объясненія Муттера вполнѣ достаточна для доказательства, что впечатлѣніе отъ молодости св. Анны дѣйствительно получается отъ картины, а не внушено тенденціей.

Дѣтство Леонардо было такъ же удивительно, какъ эта картина. У него было двѣ матери, первая его настоящая мать, Катерина, отъ которой онъ отнятъ былъ между тремя и пятью годами, и молодая, нѣжная мачеха, жена его отца, донна Альбіера. Изъ сопоставленія этого фактъ его дѣтства съ предыдущимъ и соединенія ихъ воедино у него сложилась композиція св. Анны втроемъ. Материнская фигура, болѣе удаленная отъ мальчика, изображающая бабушку, соотвѣтствуетъ по своему виду и мѣсту, занимаемому на картинѣ по отношенію къ мальчику, настоящей прежней матери, Катеринѣ. Блаженной улыбкой св. Анны прикрылъ художникъ зависть, которую чувствовала несчастная, когда она должна была уступить сына какъ раньше уступила мужа своей болѣе знатной соперницѣ.

Такимъ образомъ и другое произведеніе Леонардо подтверждаетъ предположеніе, что улыбка монны Лизы Джіоконды разбудила въ Леонардо воспоминаніе о матери его первыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Мадонны и знатныя дамы у итальянскихъ художниковъ съ тѣхъ поръ имѣли смиренно склоненную голову и странно-блаженную улыбку бѣдной крестьянской дѣвушки Катерины, которая родила міру чудеснаго, предопредѣленнаго для художества, изслѣдованія и терпѣнія сына.

---

*) Seidlitz. Т. же, т. II, стр. 274, примѣчанія.

Если Леонардо удалось передать въ лицѣ монны Лизы двойной смыслъ, который имѣла ея улыбка, обѣщаніе безграничной нѣжности и зловѣщую угрозу (по словамъ Патера), то онъ и въ этомъ остался вѣренъ содержанію своего ранняго воспоминанія. Нѣжность матери стала для него роковой, опредѣлила его судьбу и лишенія, которыя его ожидали. Страстность ласкъ, на которую указываетъ его фантазія о коршунѣ была болѣе, чѣмъ естественна; бѣдная покинутая мать принуждена была все воспоминаніе о былой нѣжности и свою страсть излить въ материнской любви; она должна была поступать такъ, чтобы вознаградить себя за то, что лишена была мужа, а также вознаградить ребенка, не имѣвшаго отца, который бы его приласкалъ. Такимъ образомъ она, какъ это бываетъ съ неудовлетворенными матерями, замѣнила своего мужа маленькимъ сыномъ и слишкомъ раннимъ развитіемъ его эротики похитила у него часть его мужественности. Любовь матери къ грудному ребенку, котораго она кормитъ и за которымъ ухаживаетъ, нѣчто гораздо болѣе глубоко захватывающее, чѣмъ ея позднѣйшее чувство къ подростающему ребенку. Она по натурѣ своей есть любовная связь, вполнѣ удовлетворяющая не только всѣ духовныя желанія, но и всѣ физическія потребности, и если она представляетъ одну изъ формъ достижимаго человѣкомъ счастья, то это нисколько не вытекаетъ изъ возможности безъ упрека удовлетворять давно вытѣсненныя желанія, называемыя извраще-

ніями *). Въ самомъ счастливомъ молодомъ бракѣ отецъ чувствуетъ, что ребенокъ, въ особенности маленькій сынъ, сталъ его соперникомъ, и отсюда беретъ начало глубоко коренящаяся непріязнь къ предпочтенному.

Когда Леонардо, уже будучи взрослымъ, вновь встрѣтилъ эту блаженно-восторженную улыбку, которая нѣкогда играла на губахъ ласкавшей его матери, онъ давно былъ подъ властью задержки, не позволявшей ему желать еще когда-нибудь такихъ нѣжностей отъ женскихъ устъ. Но теперь онъ былъ художникъ и потому постарался кистью вновь создать эту улыбку; онъ придавалъ ее всѣмъ своимъ картинамъ, рисовалъ-ли онъ ихъ самъ или подъ своимъ руководствомъ заставлялъ рисовать учениковъ,—Ледѣ, Іоанну и Бахусу. Двое послѣднихъ—варіаціи одного и того-же типа. Мутеръ говоритъ: „Изъ библейскаго питавшагося акридами мужа Леонардо сдѣлалъ Бахуса или Апполона, который съ загадочной улыбкой, положивши одно на другое слишкомъ полныя бедра, смотритъ на насъ обворожительно-чувственнымъ взглядомъ“. Картины эти дышать мистикой, въ тайну которой не осмѣливаешься проникнуть; можно, самое большее, попытаться возстановить связь ея съ прежними твореніями Леонардо. Въ фигурахъ снова смѣсь мужского и женскаго, но уже не въ смыслѣ фантазіи о коршунѣ, это прекрасные юноши, женственно нѣжные, съ женственными формами; они не опускаютъ взоровъ, а

*) Ср. „Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie“, 2 Aufl., 1910.

смотрятъ со скрытымъ торжествомъ, какъ будто-бы знаютъ о большомъ счастьи, о которомъ надо молчать; знакомая обольстительная улыбка заставляетъ чувствовать, что это любовная тайна. Очень можетъ быть, что Леонардо въ этихъ образахъ отрекается и искусственно подавляетъ свое ненормально развившееся чувство, изображая въ столь блаженномъ сліяніи мужской и женской сущности исполненіе желанія, обманутаго матерью мальчика.

V.

Между записками дневника Леонардо находится одна, приковывающая вниманіе читателя изъ-за многозначительности ея содержанія и крошечной формальной ошибки.

Онъ пишетъ въ іюлѣ 1504 года:

„Adi 9 di Luglio 1504 mercoledi a ore 7 mori Ser Piero da Vinci, notalio al palazzo del Potestà, mio padre, a ore 7. Era d'età d'anne 80, lasciò 10 figlioli maschi è 2 femmine“ *).

Итакъ въ замѣткѣ говорится о смерти отца Леонардо. Небольшая ошибка въ ея формѣ заключается въ томъ, что опредѣленіе времени „a ore 7“ повторено 2 раза, какъ будто-бы Леонардо въ концѣ фразы позабылъ, что онъ это только-что написалъ вначалѣ. Это только мелочь, надъ которой другой, не психоаналитикъ, и не заду-

*) По Мюнцу, т. ж. стр. 13, примѣчаніе. „9 іюля 1504 г. въ среду въ 7 часовъ утра умеръ синьоръ Пьеро да Винчи, нотаріусъ во дворцѣ Подеста: мой отецъ въ 7 часовъ. Ему было 80 лѣтъ: оставилъ 10 дѣтей мужского пола и 2 женскаго“.

мался-бы. Онъ-бы ея не замѣтилъ вовсе, или, если-бы ему на нее указали, сказалъ-бы: это можетъ случиться по разсѣянности или въ аффектѣ со всякимъ, и не имѣетъ никакого значенія.

Психоаналитикъ думаетъ иначе; для него всё имѣетъ значеніе, какъ проявленіе скрытыхъ душевныхъ процессовъ; онъ давно убѣдился, что такое забываніе или повтореніе полно значенія, и что благодаря „разсѣянности“ возможно разгадать скрытыя побужденія.

Мы можемъ сказать, что и эта замѣтка, какъ счетъ о погребеніи Катерины и счета расходовъ на учениковъ, представляетъ случай, гдѣ Леонардо не удалось подавить свой аффектъ, и долго скрываемое выразилось въ искаженномъ видѣ. Даже и форма похожа,—та-же педантичная точность, то-же выдвиганіе на первый планъ цифръ *).

Мы называемъ такое повтореніе персевераціей. Это отличное вспомогательное средство, чтобы распознать аффективную окраску. Вспомнимъ, напримѣръ, негодующую рѣчь св. Петра противъ своего недостойнаго замѣстителя на землѣ изъ Дантовскаго Рая: **)

„Quegli ch'usurpa in terra il luogo mio
Il luogo mio, il luogo mio, che vaca.
Vella presenza del Figlinol di Dio.
Fatto ha del cimiterio mio cloaca“.

---

*) О болѣе крупной ошибкѣ, которую Леонардо сдѣлалъ въ этой замѣткѣ, давши 77 лѣтнему отцу 80 лѣтъ, я говорить не буду.

**) Canto, XXVII, V, 22—25.

Если-бы не было подавленія аффекта у Леонардо, то мѣсто это въ дневникѣ могло-бы гласить приблизительно такъ:

Сегодня въ 7 часовъ умеръ мой отецъ, Синьоръ Піеро да Винчи, мой бѣдный отецъ! Но сдвинутое перверсіей на равнодушное оповѣщеніе о смерти, на опредѣленіе часа смерти, отнимаетъ у этой замѣтки весь паѳосъ и позволяетъ намъ угадать, что здѣсь было кое-что, что надо было скрыть и подавить. Синьоръ Пьеро да Винчи, нотаріусъ и потомокъ нотаріусовъ, былъ человѣкъ съ большой энергіей, благодаря которой онъ завоевалъ себѣ уваженіе и пріобрѣлъ благосостояніе. Онъ былъ женатъ четыре раза; двѣ его первыя жены умерли бездѣтными, только третья подарила ему въ 1476 году перваго законнаго сына, когда Леонардо было уже 24 года и онъ давно промѣнялъ отчій домъ на мастерскую своего учителя Верроккіо; отъ четвертой и послѣдней жены, на которой онъ женился 50 лѣтъ, онъ имѣлъ еще девять сыновей и двухъ дочерей *).

Отецъ этотъ конечно также имѣлъ значеніе для психосексуальнаго развитія Леонардо и не только въ отрицательномъ смыслѣ, вслѣдствіе

Поруганъ на землѣ мой тронъ, мой тронъ
Мой свѣтлый тронъ! Зане пустѣетъ праздно
Предъ очами Божья Сына онъ;
И гробъ мой сдѣлался клоакой грязной.
(Божественная Комедія, Рай, перев. Н. Голованова).

*) Видимо Леонардо въ этомъ мѣстѣ дневника ошибся также въ счетѣ своихъ братьевъ и сестеръ, что стоитъ въ странномъ противорѣчіи съ точностью замѣтки.

своего отсутствія въ первые годы жизни мальчика, но также непосредственно, своимъ присутствіемъ въ его позднѣйшіе дѣтскіе годы.

Тотъ, кто ребенкомъ чувствуетъ влеченіе къ матери, не можетъ не желать быть на мѣстѣ отца; онъ отожествляетъ себя съ нимъ въ фантазіи и позже ставитъ себѣ цѣлью его превзойти. Когда Леонардо, не имѣя и пяти лѣтъ, былъ взятъ въ домъ дѣда, молодая мачеха Альбіера вѣроятно замѣстила въ его чувствахъ его мать, и онъ естественно оказался въ положеніи соперника къ отцу. Склонность къ гомосексуальности наступаетъ, какъ извѣстно, только съ приближеніемъ къ годамъ полового созрѣванія. Когда это время наступило для Леонардо, отожествленіе себя съ отцомъ потеряло всякій смыслъ для его сексуальной жизни, но осталось въ другихъ областяхъ не эротическаго характера. Мы узнаемъ, что онъ любилъ блескъ и красивыя одежды, держалъ слугъ и лошадей, несмотря на то, что онъ, по словамъ Вазари «почти ничего не имѣлъ и мало работалъ» причину этого пристрастія мы видимъ не только въ его любви къ красотѣ, но также въ навязчивомъ стремленіи копировать отца и его превзойти. Отецъ былъ по отношенію къ бѣдной крестьянской дѣвушкѣ знатнымъ бариномъ, поэтому осталась въ сынѣ побужденіе играть знатнаго барина, стремленіе „to out herod Herod“, показать отцу, какова истинная знатность.

Кто творитъ, какъ художникъ, тотъ чувствуетъ себя въ отношеніи своихъ твореній отцомъ. Для художественнаго творчества Леонардо его отоже-

ствленіе себя съ отцомъ имѣло роковое послѣдствіе. Онъ создавалъ свои творенія и больше о нихъ не заботился, какъ его отецъ не заботился о немъ. Позднѣйшія попеченія о немъ отца не могли ничего измѣнить въ этомъ навязчивомъ стремленіи, потому-что оно исходило изъ впечатлѣній первыхъ дѣтскихъ лѣтъ, а вытѣсненное и оставшееся въ безсознательномъ непоправимо позднѣйшими переживаніями.

Во времена возрожденія, какъ и много позже еще, каждый художникъ нуждался въ высокопоставленномъ господинѣ и покровителѣ, въ патронѣ, который давалъ ему заказы, въ рукахъ котораго находилась его судьба. Леонардо нашелъ своего патрона въ честолюбивомъ, любящемъ роскошь, тонкомъ политикѣ, но непостоянномъ и легкомысленномъ Людовикѣ Сфорца, по прозванію Моро. При его дворѣ въ Миланѣ онъ провелъ самый блестящій періодъ своей жизни: здѣсь развилъ онъ сильнѣе всего свое творчество, доказательствомъ чему служатъ Тайная Вечеря и конная статуя Франческо Сфорца. Онъ покинулъ Миланъ раньше чѣмъ разразилась катастрофа надъ Людовикомъ Моро, который умеръ заключеннымъ въ одной французской тюрьмѣ. Когда это извѣстіе о его покровителѣ дошло до Леонардо, онъ написалъ въ своемъ дневникѣ: „Герцогъ потерялъ свою землю, свое имущество, свою свободу, и ни одно дѣло имъ предпринятое не было доведено до конца“. Удивительно и, конечно, не лишено значенія, что онъ здѣсь дѣлаетъ своему патрону тотъ самый упрекъ, который потомство

должно было сдѣлать ему самому, какъ будто онъ хотѣлъ сдѣлать отвѣтственнымъ кого-нибудь изъ разряда отцовъ въ томъ, что онъ самъ оставилъ недоконченными свои произведенія. На самомъ дѣлѣ онъ не былъ несправедливъ къ герцогу *).

Но если подражаніе отцу повредило ему какъ художнику, то антагонизмъ къ отцу былъ инфантильнымъ условіемъ его столь-же, можетъ быть, великаго творчества въ области изслѣдованія. По прекрасному сравненію Мережковскаго, онъ походилъ на человѣка, проснувшагося слишкомъ рано, когда было еще темно, и когда всѣ другіе еще спали **). Онъ отважился высказать смѣлое положеніе, которое защищаетъ всякое свободное изслѣдованіе: Кто въ борьбѣ мнѣній опирается на авторитетъ, тотъ работаетъ своею памятью вмѣсто того, чтобы работать умомъ ***). Такъ онъ сдѣлался первымъ изъ новыхъ изслѣдователей природы; первый со временъ грековъ онъ подошелъ къ тайнамъ природы, опираясь только на наблюденіе и собственный опытъ, и множество познаній и предвидѣній были наградою его мужества. Но если онъ училъ пренебрегать авторитетомъ и отбросить подражаніе „старикамъ" и все указывалъ на изученіе природы, какъ на источникъ всякой истины, то онъ только повторялъ

---

*) „Il duca perse lo stato e la roba e libertà e nessuna sua opera si fini per lui".—Seidlitz, т. же, II, 270.

**) Т. же, стр. 348.

***) Chi disputa allegando l'autorità non adapra l'ingegno ma piuttosto la memoria; Solmi, Conf. fior., 13.

въ высшемъ доступномъ для человѣка сублимированіи убѣжденіе, которое когда-то уже сложилось у удивленно смотрящаго на міръ мальчика. Если съ научной абстракціи перевести это обратно на конкретное личное переживаніе, то старики и авторитетъ соотвѣтствуютъ отцу, а природа—это нѣжная, добрая, вскормившая его мать. Тогда какъ у большинства людей—и сейчасъ еще какъ и въ древности—потребность держаться за какой нибудь авторитетъ такъ сильна, что міръ имъ кажется пошатнувшимся, если, что-нибудь угрожаетъ этому авторитету, одинъ только Леонардо могъ обходиться безъ этой опоры; онъ не былъ-бы на это способенъ, если-бы въ первые годы жизни не научился обходиться безъ отца. Смѣлость и независимость его позднѣйшихъ научныхъ изслѣдованій предполагаетъ незадержанное отцомъ инфантильное сексуальное изслѣдованіе, а отказъ отъ сексуальности даетъ этому дальнѣйшее развитіе.

Если бы кто-нибудь, какъ Леонардо, избѣжалъ въ своемъ дѣтствѣ запугиваній отца и въ своемъ изслѣдованіи сбросилъ цѣпи авторитета, то было-бы невѣроятно ожидать отъ этого человѣка, чтобы онъ остался вѣрующимъ и не могъ отказаться отъ догматической религіи. Психоанализъ научилъ насъ видѣть интимную связь между отцовскимъ комплексомъ и вѣрой въ Бога; онъ показалъ намъ, что личный Богъ психологически—ничто иное, какъ идеализированный отецъ, и мы наблюдаемъ ежедневно, что молодые люди теряютъ религіозную вѣру, какъ только рушится для нихъ авторитетъ

отца. Такимъ образомъ въ комплексѣ родителей мы открываемъ корни религіозной потребности; всемогущій, праведный Богъ и благодѣтельная природа представляются намъ величественнымъ сублимированіемъ отца и матери, болѣе того, обновленіемъ и возстановленіемъ раннихъ дѣтскихъ представленій объ обоихъ. Біологически религіозность объясняется долго держащейся безпомощностью и потребностью въ покровительствѣ человѣческаго дѣтеныша. Когда впослѣдствіи онъ узнаетъ свою истинную безпомощность и безсиліе противъ могущественныхъ факторовъ жизни, онъ реагируетъ на нихъ, какъ въ дѣтствѣ, и старается скрыть ихъ безотрадность возобновленіемъ инфантильныхъ защитительныхъ силъ.

Кажется, примѣръ Леонардо не опровергаетъ это возрѣніе на религіозное вѣрованіе. Обвиненія его въ невѣріи или, что по тому времени было то же, въ отпаденіи отъ христіанской вѣры возбуждались противъ него уже при его жизни, и были опредѣленно отмѣчены первой его біографіей, написанной Вазари *). Во второмъ изданіи его біографіи, вышедшемъ въ 1568 году, Вазари выпустилъ эти примѣчанія. Намъ вполнѣ понятно, что Леонардо, зная чрезвычайную чувствительность своей эпохи къ религіознымъ вопросамъ, воздерживался въ своихъ запискахъ прямо выражать свое отношеніе къ христіанству. Какъ изслѣдователь, онъ нисколько не поддавался внушеніямъ св. писанія о сотвореніи міра, онъ оспаривалъ,

*) Müntz т. же. La religion de Lèonardo, стр. 192 и дальше.

напримѣръ, возможность всемірнаго потопа и считалъ такъ-же увѣренно, какъ и современные ученые въ геологіи, тысячелѣтіями.

Между его „пророчествами" есть много такихъ, которыя должны бы оскорблять тонко чувствующаго христіанина, какъ напр. *): О поклоненіи святымъ иконамъ.

„Люди будутъ съ людьми, которые ничему не внемлютъ, у которыхъ глаза открыты, но ничего не видятъ; они будутъ обращаться къ нимъ и не получатъ отвѣта; они будутъ молить о милостяхъ того, кто имѣетъ уши и не слышитъ; они будутъ возжигать свѣчи тому, кто слѣпъ".

Или: О плачѣ въ Страстную пятницу (стр. 297).

„Во всей Европѣ многочисленными народами оплакивается смерть одного человѣка, умершаго на Востокѣ".

Объ искусствѣ Леонардо говорили, что въ его фигурахъ святыхъ исчезъ послѣдній остатокъ церковнаго догматизма, что онъ приблизилъ ихъ къ человѣческому, чтобы воплотить въ нихъ великія и прекрасныя человѣческія чувства. Мутеръ восхваляетъ его за то, что онъ побѣдилъ Декадансъ и вернулъ человѣчеству право имѣть страсти и радостно пользоваться жизнью. Въ запискахъ, гдѣ Леонардо углубляется въ разрѣшеніе великихъ загадокъ природы, не отсутствуетъ выраженіе восхищенія передъ Творцомъ, какъ послѣдней причиной всѣхъ этихъ чудесныхъ тайнъ, но ничто не указываетъ на желаніе закрѣпить

*) Herzfeld, стр. 292.

свою личную связь съ этимъ могущественнымъ Божествомъ. Афоризмы, въ которые онъ вложилъ глубокую мудрость послѣднихъ лѣтъ своей жизни, дышатъ смиреніемъ человѣка, который подчиняется Ἀνάγκη *) законамъ природы, и не ждетъ никакого облегченія отъ благости или милости Бога. Едва-ли можно сомнѣваться, что Леонардо побѣдилъ какъ догматическую, такъ и личную религію, и своей работой изслѣдователя очень отдалился отъ міросозерцанія вѣрующаго христіанина.

Согласно ранѣе высказаннымъ взглядамъ на развитіе души ребенка, мы можемъ предположить, что первое изслѣдованіе Леонардо въ дѣтствѣ имѣло предметомъ проблемы сексуальности. Но онъ самъ обнаруживаетъ это достаточно ясно, связывая свое стремленіе къ изслѣдованію съ фантазіей о коршунѣ. Онъ выставляетъ свой трудъ надъ проблемой птичьяго полета, какъ выпавшій ему на долю особымъ предопредѣленіемъ судьбы. Одно очень неясное, звучащее какъ предсказаніе, мѣсто въ его запискахъ, трактующее о птичьемъ полетѣ, лучше всего доказываетъ, съ какимъ аффективнымъ интересомъ его влекло желаніе самому научиться искусству летать: „Она предприметъ, эта большая птица, свой первый полетъ съ хребта Большого Лебедя, наполнитъ міръ удивленіемъ и всѣ писанія похвалами, и вѣчная слава будетъ воздаваться гнѣзду, гдѣ она родилась“ *). Вѣроятно Леонардо надѣялся, что

---

*) Необходимость.

*) По Herzfeld'y. L. d. V.. стр. 32. „Большой Лебедь“—это вершина Monte Cerero, около Флоренціи.

самъ когда-нибудь сможетъ полетѣть; а мы знаемъ изъ сновъ, заключающихъ это желаніе, какое счастье ожидается отъ исполненія этой надежды.

Почему-же снится многимъ людямъ, что они умѣютъ летать? Психоанализъ отвѣчаетъ на это, что летаніе или превращеніе въ птицу только замаскировка другого желанія, къ разгадкѣ котораго ведетъ не одинъ и словесный и вещественный мостъ. Если любопытнымъ дѣтямъ разсказываютъ, что большая птица, какъ аистъ, приноситъ маленькихъ дѣтей, если древніе изображали Фаллосъ крылатымъ, если въ нѣмецкомъ языкѣ „Vögeln"—самое употребительное обозначеніе мужской половой дѣятельности, у итальянцевъ мужской органъ называется прямо Fuccello (птица), то это только маленькія звенья большой цѣпи, которыя показываютъ намъ, что умѣніе летать означаетъ во снѣ ничто иное, какъ желаніе быть способнымъ къ половой дѣятельности. Это есть раннее инфантильное желаніе. Если взрослый вспоминаетъ свое дѣтство, оно представляется ему счастливымъ временемъ, когда радуются настоящему, и ничего не желая, идутъ навстрѣчу будущему; поэтому взрослый завидуетъ дѣтямъ. Но сами дѣти, если-бы они могли дать объ этомъ свѣдѣнія, сообщили-бы вѣроятно другое. Вѣроятно дѣтство не есть та блаженная идиллія, какой она намъ кажется позже, если желаніе стать взрослымъ и дѣлать то, что дѣлаютъ взрослые, заставляетъ дѣтей стремиться поскорѣе пережить годы дѣтства. Это желаніе руководитъ всѣми ихъ играми.

Если дѣти, въ періодѣ, когда любознательность направлена на сексуальное изслѣдованіе, чувствуютъ, что взрослый знаетъ нѣчто грандіозное въ этой загадочной и такой важной области, въ которой знать и дѣйствовать имъ запрещено, то въ нихъ пробуждается непреодолимое желаніе достигнуть этого самаго, и это желаніе они выражаютъ во снѣ въ видѣ летанія или подготовляютъ эту скрытую форму желанія для будущихъ подобныхъ сновъ. Такимъ образомъ, и авіатика, достигшая наконецъ въ наше время своей цѣли, коренится также въ инфантильномъ эротизмѣ.

Признаваясь въ томъ, что съ дѣтства чувствовалъ особое личное влеченіе къ проблемѣ летанія, Леонардо доказываетъ намъ, что его дѣтская любознательность была направлена на сексуальное; это мы должны предположить на основаніи нашихъ изслѣдованій современныхъ дѣтей. Единственно одна эта проблема избѣжала того вытѣсненія, которое позже сдѣлало Леонардо чуждымъ сексуальности; съ дѣтскихъ лѣтъ и до полной интеллектуальной зрѣлости сохранилъ онъ интересъ къ этой проблемѣ, только немного мѣняя ея смыслъ; и очень вѣроятно, что желанное искусство въ примитивномъ сексуальномъ смыслѣ удалось ему такъ-же мало, какъ и искусство въ механикѣ и что оба они остались для него недостижимыми желаніями.

Великій Леонардо вообще въ нѣкоторыхъ вещахъ всю жизнь оставался ребенкомъ; говорятъ, что всѣ великіе люди сохраняютъ въ себѣ нѣчто дѣтское. Будучи взрослымъ, онъ продолжалъ

играть, вслѣдствіи чего казался иногда своимъ современникамъ страннымъ и непріятнымъ. Когда мы видимъ, что онъ изготовлялъ искусныя механическія игрушки для дворцовыхъ празднествъ и торжественныхъ пріемовъ, то мы бываемъ недовольны, что художникъ тратитъ свои силы на такіе пустяки. Самъ онъ, видимо, не безъ удовольствія занимался этимъ, потому что Вазари сообщаетъ, что онъ дѣлалъ это и тогда, когда ему никто этого не поручалъ: „Тамъ (въ Римѣ) онъ изготовилъ тѣсто изъ воска и, когда оно было еще жидко, слѣпилъ очень тонко изъ него животныхъ, наполненныхъ воздухомъ: когда онъ ихъ надувалъ, то они летали, когда воздухъ выходилъ, падали на землю. Рѣдкостной ящерицѣ, найденой садовникомъ Бельведера, онъ придѣлалъ крылья изъ кожи, снятой съ другой ящирицы, и наполнилъ ихъ ртутью, такъ что онѣ двигались и дрожали когда она бѣгала; потомъ онъ ей сдѣлалъ глаза, бороду и рога, приручилъ ее, посадилъ въ ящикъ и приводилъ сю въ ужасъ своихъ друзей“ *). Часто эти игрушки служили ему для выраженія глубокихъ идей: „Онъ давалъ вычистить бараньи кишки такъ чисто, что онѣ помѣщались въ горсти; онъ приносилъ ихъ въ большую комнату, въ сосѣдней комнатѣ помѣщалъ пару мѣховъ, прикрѣплялъ къ нимъ кишки и раздувалъ ихъ такъ, что онѣ заполняли всю комнату и всѣмъ приходилось убѣгать въ уголъ; показывая, какъ они постепенно становились прозрачны

*) Vasari.

и воздушны какъ вначалѣ онѣ занимали только маленькое мѣстечко, а потомъ все дальше распространялись въ пространствѣ, Леонардо сравнивалъ ихъ съ геніемъ" *). То-же удовольствіе забавляться невиннымъ скрываніемъ и искуснымъ замаскированіемъ выражаютъ его басни и загадки; послѣднія, написанныя въ формѣ „предсказаній", почти всѣ содержательны по смыслу, но въ высшей степени лишены остроумія.

Игры и шутки, которыми Леонардо позволялъ заниматься своей фантазіи, вводили иногда въ большое заблужденіе его біографовъ, не понявшихъ его характеръ. Въ Миланскихъ манускриптахъ Леонардо находятся, напримѣръ, наброски писемъ къ „Діодарію сирійскому, намѣстнику святого султана Вавилоніи", въ которыхъ Леонардо выставляетъ себя инженеромъ, посланнымъ въ эти страны востока для выполненія извѣстныхъ работъ, защищается противъ упрековъ въ медлительности, даетъ географическое описаніе городовъ и горъ и, наконецъ, разсказываетъ о большомъ стихійномъ явленіи, случившемся тамъ во время его пребыванія **).

Рихтеръ въ 1881 году хотѣлъ доказать по этимъ отрывкамъ, что Леонардо въ самомъ дѣлѣ состоялъ на службѣ у египетскаго султана, составилъ тамъ эти путевыя замѣтки и даже при-

---

*) Тамъ-же, стр. 39.

**) Объ этихъ письмахъ и связанныхъ съ ними комбинаціяхъ см.: Müntz, стр. 82 и д.; ихъ текстъ и относящіяся къ нимъ замѣтки у M. Herzfeld., т. же, стр. 224 и д.

нялъ на востокѣ магометанскую религію. Пребываніе тамъ должно было быть до 1483 года, то-есть, передъ его переселеніемъ въ Миланъ ко двору герцога. Но критикѣ другихъ авторовъ было не трудно угадать въ описаніяхъ мнимаго путешествія Леонардо на востокъ то, чѣмъ они и были въ дѣйствительности, фантазированіями юнаго художника, которыя онъ создавалъ самъ съ собой, въ которыхъ онъ, можетъ быть, выражалъ свои желанія повидать свѣтъ и испытать приключенія.

Такимъ-же созданіемъ фантазіи является, вѣроятно, и „Academia Vinciana", предположеніе существованія которой основывается на пяти или шести очень искусно замаскированныхъ эмблемахъ съ надписями академіи. Вазари говоритъ объ этихъ рисункахъ, но не упоминаетъ объ академіи *). Müntz, помѣстившій подобный орнаментъ на обложкѣ своего большого труда о Леонардо, принадлежитъ къ немногимъ, вѣрящимъ въ реальность „Academia Viuciana".

Очень можетъ быть, что это стремленіе играть исчезло у Леонардо въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, что и оно тоже перешло въ дѣятельность изслѣдователя, которая была послѣднимъ и высшимъ проявленіемъ его личности. Но то, что оно такъ

---

*) „Кромѣ того, онъ терялъ много времени, рисуя плетеніе изъ шнурка, гдѣ можно было прослѣдить нить отъ одного конца до другого, какъ она описывала полный кольцеобразный узоръ; очень трудный и красивый рисунокъ этого рода выбитъ на мѣди со словами въ срединѣ „Leonardus Yinici Academia", стр. 8.

долго сохранялось, показываетъ намъ, какъ медленно отрывается отъ своего дѣтства тотъ, кто испытывалъ въ дѣтскомъ возрастѣ высшее и позже уже не достижимое эротическое блаженство.

VI.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что современные читатели находятъ безвкусными всѣ біографіи, написанныя съ точки зрѣнія патологіи. Они говорятъ, что разбирая великаго человѣка съ точки зрѣнія патологіи, никогда нельзя прійти къ пониманію его значенія и его дѣятельности; поэтому, это только напрасная затѣя, изучать именно на немъ то, что съ такимъ-же успѣхомъ можно найти у всякаго другого человѣка. Но подобная критика такъ очевидно несправедлива, что ее можно понять только какъ отговорку или лицемѣріе. Патографія вообще не задается цѣлью сдѣлать понятной дѣятельность великаго человѣка, и нельзя вѣдь никому ставить въ упрекъ, что онъ не исполнилъ того, чего онъ никогда не обѣщалъ. Истинные мотивы этого противодѣйствія совсѣмъ другіе. Ихъ можно разгадать, если принять во вниманіе, что біографы привязаны къ своему герою совсѣмъ особымъ способомъ. Они часто выбираютъ кого-нибудь объектомъ своего изученія, потому, что по причинамъ ихъ личныхъ чувствъ относятся къ нему съ особой аффективностью. Потомъ они работаютъ надъ его идеализаціей, имѣющей цѣлью внести великаго человѣка въ разрядъ ихъ инфантильныхъ образцовъ, какъ

напримѣръ, вновь воскресить дѣтское представленіе объ отцѣ. Преслѣдуя это желаніе, они стираютъ въ его физіономіи индивидуальныя черты, сглаживаютъ слѣды жизненной борьбы съ внутренними и внѣшними препятствіями, не признаютъ въ немъ никакихъ человѣческихъ слабостей и несовершенствъ и даютъ намъ тогда холодный, чуждый, идеальный образъ вмѣсто человѣка, котораго мы могли-бы чувствовать хотя и далекимъ, но роднымъ. Жаль, что они такъ поступаютъ, потому что такимъ образомъ они жертвуютъ правдой для иллюзіи, и въ угоду ихъ инфантильной фантазіи они пренебрегаютъ случаемъ проникнуть въ чудесныя тайны человѣческой природы *).

Самъ Леонардо со своей любовью къ истинѣ и стремленіемъ къ знанію не отказался-бы отъ опыта разгадать по маленькимъ странностямъ и загадкамъ его натуры условія его душевнаго и интеллектуальнаго развитія. Поучаясь на немъ, мы этимъ воздаемъ ему почести. Мы не умаляемъ его величія тѣмъ, что изучаемъ жертву, которой потребовало его развитіе изъ ребенка, и сопоставляемъ моменты, наложившіе трагическую черту неудачи на его личность.

Мы рѣшительно заявляемъ, что никогда не причисляли Леонардо къ невротикамъ или, по неудачному выраженію, къ „нервно-больнымъ“. Кто недоволенъ, что мы вообще отваживаемся

*) Эту критическое замѣчаніе надо относить не спеціально только къ біографамъ Леонардо.

примѣнять къ нему взгляды, почерпнутые изъ патологіи, тотъ еще крѣпко держится за предразсудки, отъ которыхъ мы уже успѣли отказаться. Мы уже не думаемъ, что можно провести рѣзкую границу между здоровьемъ и болѣзнью, между нормальнымъ и нервнымъ, и что невротическія черты должны считаться доказательствомъ общаго несовершенства. Мы знаемъ теперь, что невротическіе симптомы служатъ замѣстителями извѣстныхъ вытѣсненныхъ дѣйствій, которыя мы должны были выполнить въ періодъ нашего развитія изъ ребенка въ культурнаго человѣка, что мы всѣ продуцируемъ подобныя замѣщенія и что только ихъ число, интенсивность и распредѣленіе даютъ на практикѣ понятіе о болѣзни и позволяютъ заключать о конституціонномъ несовершенствѣ. По мелкимъ признакамъ въ личности Леонардо мы должны приблизить его къ тому невротическому типу, который мы называемъ типомъ навязчивости („Zwangstypus“), его изслѣдованіе приравнять къ навязчивымъ мечтаніямъ („Grübelzwang“) невротиковъ, его задержки съ ихъ такъ называемыми абуліями.

Цѣлью нашей работы было объяснить задержки въ сексуальной жизни Леонардо и его художественной дѣятельности. Да будетъ намъ позволено сдѣлать общій обзоръ всего, что мы могли открыть въ ходѣ развитія его психики.

Намъ нѣтъ возможности проникнуть въ его наслѣдственность, но зато мы узнаемъ, что случайныя обстоятельства его дѣтства оказали на него глубоко - вредное вліяніе. Его незаконное рож-

деніе устраняетъ его почти до пятаго года отъ вліянія отца и предоставляетъ нѣжному попеченію матери, которой онъ составляетъ единственное утѣшеніе. Заласканный ею и благодаря этому преждевременно сексуально развившійся, онъ неизбѣжно долженъ былъ вступить въ фазу инфантильной половой дѣятельности, изъ которой достовѣрно одно единственное проявленіе—это интенсивность его инфантильнаго сексуальнаго изслѣдованія. Влеченіе смотрѣть и знать наиболѣе возбуждались его ранними дѣтскими впечатлѣніями; эрогенная ротовая зона пріобрѣтаетъ значеніе, которое сохраняется навсегда. Изъ позднѣйшаго противуположнаго поведенія, какъ чрезмѣрной жалости къ животнымъ, мы можемъ заключить, что въ этомъ періодѣ дѣтства не было недостатка въ сильныхъ чертахъ садизма.

Энергичное усиліе вытѣсненія обрываетъ это дѣтское увлеченіе и устанавливаетъ предрасположенія, которыя должны проявиться въ періодѣ полового созрѣванія. Отвращеніе ко всему грубочувственному наиболѣе бросающійся въ глаза результатъ превращенія; Леонардо можетъ жить абстинентомъ и производить впечатлѣніе безполаго. Когда волны полового возбужденія проснулись въ юношѣ, онѣ не сдѣлали его больнымъ, толкая его къ дорогимъ и вреднымъ суррогатамъ; большая доля сексуальнаго влеченія, благодаря раннему появленію сексуальной любознательности, смогла быть сублимирована въ стремленіе къ познанію вообще и такимъ образомъ избѣжала вы-

тѣсненія. Много меньшая часть, libido, осталась для сексуальныхъ цѣлей и представляетъ собой у взрослаго Леонардо атрофированную сексуальную жизнь. Вслѣдствіе вытѣсненія libido къ матери эта маленькая часть превращается въ гомосексуальность и выражается въ идеальной любви къ мальчикамъ. Въ безсознательномъ остается фиксированность къ матери и къ блаженнымъ воспоминаніямъ ихъ отношеній; но это застываетъ въ пассивномъ состояніи. Такимъ образомъ распредѣляется между вытѣсненіемъ, фиксированіемъ и сублимированіемъ сумма полового влеченія въ душѣ Леонардо.

Изъ темнаго дѣтства Леонардо предсталъ передъ нами художникомъ и скульпторомъ. Это специфическое дарованіе могло усилиться благодаря раннему пробужденію въ первые дѣтскіе годы влеченія смотрѣть (Schautrieb). Намъ хотѣлось-бы показать, какимъ образомъ художественная дѣятельность исходитъ изъ основныхъ душевныхъ влеченій, если-бы какъ разъ здѣсь не измѣняли намъ наши средства. Поэтому мы довольствуемся выясненіемъ едва-ли еще спорнаго факта, что творчество художника даетъ исходъ также и его сексуальному влеченію и указываемъ на свѣдѣніе о Леонардо, сообщенное Вазари, что головы улыбающихся женщинъ и красивыхъ мальчиковъ, т. е. изображенія его сексуальныхъ объектовъ, были его первыми художественными опытами. Вначалѣ, въ юношескомъ возрастѣ Леонардо работаетъ, кажется, свободно, безъ задержки. Такъ какъ въ своей внѣшней жизни онъ беретъ

за образецъ отца, въ Миланѣ, гдѣ судьба послала ему замѣстителя отца въ лицѣ герцога Людовика Моро, онъ переживаетъ время мужской творческой силы и художественной продуктивности. Но вскорѣ на немъ оправдывается наблюденіе, что почти полное подавленіе реальной половой жизни не представляетъ наиболѣе благопріятныхъ условій для дѣятельности сублимированнаго сексуальнаго стремленія. На этой дѣятельности отражается реальная сексуальная жизнь, поэтому активность и способность къ быстрому рѣшенію начинаютъ ослабѣвать, склонность къ колебенію и затягиванію видимо вредитъ уже въ Тайной Вечерѣ и рѣшаетъ подъ вліяніемъ недостатковъ техники судьбу этого великаго произведенія. Такъ медленно совершается въ немъ процессъ, который можно приравнять къ регрессированію у невротиковъ.

Развившійся при половомъ созрѣваніи художникъ пересиливается опредѣлившимся въ дѣтствѣ изслѣдователемъ; второе сублимированіе его эротическихъ стремленій отступаетъ передъ образовавшимся раньше, при первомъ вытѣсненіи. Онъ становится изслѣдователемъ, вначалѣ служа этимъ своему искуству, потомъ независимо отъ него и покинувъ его.

Съ потерей покровителя, замѣщающаго ему отца, и омраченіемъ его жизни—все больше растетъ это регрессивное замѣщеніе. Онъ становится „impacientissimo al pennello“, какъ пишетъ корресподентъ маркграфини Изабеллы d' Эсте, которая непремѣнно желала имѣть еще одну картину его

кисти *). Его далекое дѣтство получило надъ нимъ власть. Но изслѣдованіе, замѣнившее ему теперь художественное творчество, носитъ на себѣ повидимому нѣкоторыя черты, составляющія отличительные признаки дѣятельности безсознательныхъ влеченій, —ненасытность, непоколебимое упорство, отсутствіе способности примѣняться къ обстоятельствамъ.

На высотѣ зрѣлаго возраста, послѣ пятидесяти лѣтъ, въ томъ періодѣ жизни, когда у женщины половая жизнь только что замерла, а у мущины libido дѣлаетъ нерѣдко еще одинъ энергичный прыжокъ, въ Леонардо происходитъ новая перемѣна. Еще болѣе глубоко лежащіе слои его души вновь становятся активны, и эта новая регрессія благопріянта для его, готоваго угаснуть, искусства.

Онъ встрѣчаетъ женщину, которая будитъ въ немъ воспоминаніе о счастливой, блаженно - восторженной улыбкѣ его матери, и подъ вліяніемъ этого въ немъ вновь просыпается желаніе, которое привело его къ началу его художественныхъ опытовъ, къ вылѣпливанію улыбающихся женщинъ. Онъ рисуетъ монну Лизу, святую Анну втроемъ, и рядъ полныхъ таинственности, отличающихся загадочной улыбкой картинъ. Такъ, благодаря самымъ раннимъ эротическимъ душевнымъ переживаніямъ, празднуетъ онъ тріумфъ, еще разъ преодолѣвая задержку въ своемъ искусствѣ. Это послѣднее его развитіе расплывается для насъ во мракѣ приближающейся старости.

*) Seidlitz, II, стр. 271.

Его интеллектъ поднялся еще ранѣе до высшихъ ступеней дѣятельности, и его міровоззрѣніе оставило далеко позади себя свое время.

Выше я приводилъ основанія, дающія мнѣ право именно такъ понимать ходъ развитія Леонардо, расчленить подобнымъ образомъ его жизнь, объяснить его колебанія между искусствомъ и наукой.

Если по поводу этого изложенія мнѣ придется даже отъ друзей и знатоковъ психоанализа услышить приговоръ, что я просто написалъ психологическій романъ, то я отвѣчу, что я конечно не переоцѣниваю достовѣрность моихъ выводовъ. Я вмѣстѣ съ другими поддался обаянію, исходящему отъ этого великаго и загадочнаго человѣка, въ натурѣ котораго чувствуются могучія страсти, проявлявшіяся однако только такъ странно заглушенно.

Но, какова-бы ни была правда о жизни Леонардо, мы не можемъ отказаться отъ попытки ее обосновать психоаналитически раньше, чѣмъ не разрѣшимъ другой задачи. Мы должны опредѣлить въ общихъ чертахъ границы, которыя даны дѣятельности психоанализа въ біографіи, для того чтобы намъ не представлялось неудачей каждое отсутствіе объясненія. Матерьяломъ для психоаналитическаго изслѣдованія служатъ даты въ исторіи жизни и, съ одной стороны, случайности, событія и вліянія среды, съ другой —свѣдѣнія о реагированіи на это индивидуума.

Опираясь на свое знаніе психическаго механизма, психоанализъ пытается понять сущность

индивидуума динамически по его реагированію, открыть его первоначальныя душевныя побудительныя причины и ихъ позднѣйшія превращенія и развитіе. Если это удается, то изъ взаимодѣйствія натуры и судьбы, внутреннихъ силъ и внѣшнихъ факторовъ выясняется жизненное поведеніе личности. Когда-же такая попытка, какъ можетъ быть въ случаѣ Леонардо, не приводитъ къ правильнымъ выводамъ, то вина здѣсь не въ ошибочности или несовершенствѣ метода психоанализа, но въ неточности и скудности матерьяла, свѣдѣній, имѣющихся объ этой личности. Въ неудачѣ, слѣдовательно, виноватъ только авторъ біографіи, заставившій психоанализъ работать съ такимъ неудовлетворительнымъ матерьяломъ.

Но, даже имѣя въ своемъ распоряженіи самый широкій историческій матерьялъ, и при хорошемъ знакомствѣ съ психическимъ механизмомъ, психоаналитическое изслѣдованіе въ двухъ важныхъ пунктахъ не сможетъ доказать необходимость того, что индивидуумъ могъ стать только такимъ, а не инымъ.

У Леонардо мы должны были принять, что случайность его незаконнаго рожденія и страстная любовь къ нему матери имѣли самое рѣшительное вліяніе на образованіе его характера и его позднѣйшую судьбу тѣмъ, что наступившее послѣ этой дѣтской фазы жизни сексуальное вытѣсненіе толкнуло его къ сублимированію его libido въ страсть къ познанію и установило на всю его жизнь сексуальную пассивность. Но это вытѣсненіе послѣ перваго эротическаго дѣтскаго

удовлетворенія не должно было необходимо наступить; у другого оно можетъ-быть не наступилобы совсѣмъ или выразилось-бы въ гораздо меньшей степени. Мы должны признать здѣсь извѣстную долю свободы, которая не можетъ быть предсказана психоанализомъ. Такъ-же мало можно предсказать результатъ этого вытѣсненія, какъ единственно возможный. Другому, можетъ-быть, не посчастливилось-бы удержать главную часть libido отъ вытѣсненія, сублимируя его въ любознательность; при аналогичныхъ обстоятельствахъ, какъ у Леонардо, онъ вынесъ-бы продолжительную остановку въ мыслительной работѣ или неодолимое предрасположеніе къ неврозу навязчивости. Двѣ особенности Леонардо остаются необъяснимыми психоаналитической работой: это его исключительная склонность къ вытѣсненіямъ и его выдающаяся способность къ сублимированію примитивныхъ влеченій.

Влеченія и ихъ превращенія—это самое большее, что доступно психоанализму. Но дальше онъ уступаетъ мѣсто біологическому изслѣдованію. Склонность къ вытѣсненію, такъ же какъ способность сублимировать, мы принуждены отнести къ органическимъ основамъ характера, и уже на нихъ воздвигается психическая надстройка. Такъ какъ художественное дарованіе и работоспособность тѣсно связаны съ сублимированіемъ, то мы должны прибавить, что и сущность художественной дѣятельности также недоступна для психоанализа. Современная біологія склоняется къ тому, чтобы обьяснить главныя черты органи-

ческой конституціи человѣка соединеніемъ мужскаго и женскаго началъ въ матеріи; красивая наружность, такъ же какъ и то, что онъ былъ лѣвшой, даютъ для этого нѣкоторыя точки опоры. Но не будемъ покидать почву чисто психологическаго изслѣдованія. Цѣлью нашей остается попрежнему отыскиваніе связи между внѣшними переживаніями и реагированіемъ на нихъ личности съ ея влеченіями. Если психоанализъ и не объясняетъ намъ причины художественности Леонардо, то онъ все-же дѣлаетъ для насъ понятнымъ проявленія и изъяны его таланта. Думается все-таки, что только человѣкъ, пережившій дѣтство Леонардо, могъ написать монну Лизу и св. Анну, обречь свои произведенія на столь печальную участь и такъ неудержимо прогрессировать въ области знанія, какъ будто ключъ ко всѣмъ его созданіямъ и неудачамъ скрывается въ дѣтской фантазіи о коршунѣ.

Но развѣ можно положиться на результаты изслѣдованія, которое приписываетъ такое выдающееся значеніе въ судьбѣ человѣка случайностямъ положенія родителей, судьбу Леонардо, напримѣръ, ставитъ въ зависимость отъ его незаконнаго рожденія и безплодія его первой мачехи, донны Альбіеры? Я думаю, что этотъ упрекъ несправедливъ; если считаютъ случай недостойнымъ рѣшать нашу судьбу, то это просто возвратъ къ міросозерцанію, побѣду надъ которымъ подготовлялъ Леонардо, когда онъ писалъ, что солнце недвижимо. Мы, конечно, оскорблены тѣмъ, что праведный Богъ и благое Провидѣніе не охра-

няютъ насъ лучше отъ подобныхъ вліяній въ самый беззащитный періодъ нашей жизни. Мы при этомъ охотно забываемъ, что въ сущности все въ нашей жизни случайно, начиная отъ нашего зарожденія вслѣдствіе встрѣчи сперматозоида съ яйцомъ, случайность, которая поэтому и участвуетъ въ закономѣрности и необходимости природы и не зависитъ отъ нашихъ желаній и иллюзій. Раздѣленіе детерминизма нашей жизни между „необходимостями" нашей конституціи и „случайностями" нашего дѣтства въ частностяхъ еще нельзя опредѣлить; но въ цѣломъ не можетъ быть сомнѣнія въ важномъ значеніи именно нашихъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Мы всѣ еще недостаточно преклоняемся передъ природой, которая по неяснымъ словамъ Леонардо, напоминающимъ рѣчи Гамлета, „полна неисчислимыхъ причинъ, которыя никогда не подвергались опыту" (La natura è piena d'infinite ragioni che non furono mai in isperienza) *). Каждый изъ насъ, человѣческихъ существъ, соотвѣтствуетъ одному изъ безчисленныхъ экспериментовъ, въ которыхъ эти ragioni природы должны быть подвергнуты опыту.

*) Hezfeld, т. же, стр. 11.